Владимир Николаев

Майн-Кайф

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Владимир Вячеславович Николаев
Майн кайф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40160707
SelfPub; 2019

Аннотация

Играя словами и смыслами, автор размышляет о вечном противостоянии мужчин и женщин. И в результате добывает аргументы в пользу того, что секс для 90 % женщин – это грязный и неблагодарный труд, за исключением той необходимости, которая дает возможность заполучить вожделенный плод в виде желанного дитя."Майн кайф" – непереводимая на другие языки мира повесть, где из слов вырастают слова, а из этих зарослей рождаются смыслы.Содержит нецензурную брань.

Владимир Николаев

МАЙН КАЙФ

© Николаев В.В., 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для нормальной женщины главной задачей в идеале является рождение детей исключительно во взаимной любви. Рождение в других случаях в моральном плане можно считать преступлением различной степени тяжести в зависимости от условий. Секс для среднестатистической женщины, это грязный и неблагодарный труд, за исключением той необходимости, которая и даёт возможность заполучить вожделенный плод в виде желанного дитя. Аргументы добыты в результате допросов заинтересованных лиц, научных работ и собственных размышлений. С уважением.

Открывателю канализационной чугунины и направителю обнаруженного потока Виктору Алексеевичу Егорову посвящается

МАЙН КАЙФ

Белый хлебный лист накладываю на космогонию черноты и мажу чёрную икру строки, черпая с неба.

И междустрочные пространства стараюсь сделать поменьше, хотя черный квадрат и не мой формат.

Мне в ночи нужен просвет для того, чтобы видеть в звёздном ювелирьяже твои глаза…

С крутых вершин течет в твои жилы кровь… и волосы у тебя, как корабельные снасти.

Так и хочется протянуть швартовые канаты своих рук.

Ведь даже корабль, тесно прижавшись к причалу, тоже, видимо, хочет ощутить себя на время частью чего-то основательного и большого.

И, несмотря на железную волю, жалобно тонкая изящная шея, но мягкие волосы, теплая кожа и чуткий слух-ух-ух, и мы могли с тобою просто УХ…

Ты можешь угадать крик удовольствия ещё на подступах, когда сердце будет работать на меня, а ум уже против.

Ты умеешь разброситься воображением и напрячься телом, как под прессом – секретарь, и можешь получить впечатление от события, которое происходит в тебе, для доклада на пресс-конференции мне же.

Чему быть, то именовать. И в эпатаже этого репортажа на злобу ночи и дня должно быть не больше ста строк.

Будет обязательно в нём духоподъёмный пафос о коммунистических усилиях каждого из нас, о вновь и вновь вводимых мощностях, повышении ЭДС и КПД.

И никакой бюрократической волокиты, только тяни – толкай.

Как когда-то сказал перестроечный Горби: нам это подбрасывают.

А я ему отвечу: очень вовремя меня подбрасывает. Мы готовим почву к посеву семени. И у нас лопатки за спиной совковые.

И мы в угаре социального строительства сжигаем кожу, и наши тела липнут эпителием, и я уже прикрепился к тебе душой.

Лезем из кожи навстречу встречным обязательствам.

Даешь всю "пятиминутку" в три минуты!

Клоком новостей с телетайпа сердечного ведомства срочное сообщение: пульс 666, давл. 666/6, грудь: вира – майна.

Я сверхчеловек, потому что всегда в позиции сверху. А ну давай, и ты попробуй, ведь у нас равноправие в труде.

И он у нас фронт, и мы на передовой, в горячем цеху.

И грудью ляжем на грудь, когда пули оргазма со смещённым центром тяжести и удовольствия, как исполненный приговор трибунала, проткнут пустые скорлупки черепов.

Как пережимающее дыхание реки бетонной глыбой, многоквадратное, многокроватное, остроугольное трэндчувствие остановит нас.

И будем преданы забвению… на пару минут.

Эта остановка и промедление – жизни подобны.

Линейные функции мозга превращаются в линейчатые,

узорчатые.

День-даун неделимой на речь околесицей, небылисицей превратил человеческое вещество в психосомятину.

Инфоповод, который нас завёл сюда, должен как инфоповод-ырь найти выход.

Иначе это будет уголовная статья – оставление человека в опасности.

И от тебя-то требуется сосущий пустяк.

Именно сущий пустячок из лёгкой фракции любви, после последних тяжелых фрикций: поцелуй, почти воздушный.

И спасен… и облегчения слеза… капнемся… чокнемся… была слеза рюмочкой для глаз, но утекла не разбившись, и я готов лечь под эту капельницу сосудом… поделись улыбкою своей… ты умеешь смеяться слезой…

Но на телетайпной ленте пока нет слов.

И абонент "свободное время" для нас постоянно неприступен.

Да не трудно разомкнуть круг не заколдованный, потому что в прищуре моего сердца твоё.

Ведь и у сердца есть желудочек, поэтому и надо для приятельской беседы встретиться и осязанием нащупать аромат где-нибудь у хвоста… недели, из чашек кофе храпучино, и распробовать теста драйв, запечённого в виде круассана… несмотря на диету эту, которая, плотно сжав губы, взглянув на свою талию, неодобрительно возведёт глаза в степень.

Час полон на половину… и скоро он наполнится. И час

дня, тоже часть дня: почти половина.

Ты – как кафедра экономии, и, право же, всегда права и даже во сне, приобретая фьючерсы на "ПОЗИТИВИЗУ", ведёшь себя финансово грамотно, с прибылью.

Ты, как и самые грациозные женщины, мыслишь очень грационально.

БРАВО – выпускнице института государства и права. И если ты будешь уходить от мужчины, то с энциклопедическими знаниями его слабостей и недостатков.

Покажи бескаблучнику горы, на которые делают твои ноги восхождение и оттуда выглядят изящнее, чем без обуви.

Я-то топаю, ещё путаясь под ногами у четверга, но так как он уже почти спина пятницы, то я почти у неё на закорках.

Двадцать девять. На самом деле двадцать семь.

Часы отпущены на моем поводке на две минуты вперед, как запускают кошку впереди себя в новое жилище, и я эти две минуты ищейкою высылаю вперед. Может, успеют о чем-нибудь предупредить.

Лучше о приближении праздника, выпавши из-за угла толпой уличных музыкантов.

Королевы хода – пешки ног, коронованы обувью "Экко". Эка невидаль.

Я их тоже целю в эту даль, с опережением самого себя на полшага.

Потомственный столбянин я на дороге, потому кланяются мне верстовые столбы с почтением.

Как в пляс хлыну в пучину ходьбы. Хоть бы хны мне дюймы, метры, аршины, версты, километры, мили…

Заставила приближающаяся, шаркающая навстречу старость броситься на неё в писабельный поход.

Пока нет краеугольного камня, желающего возлечь в основание текста. Пока только некое пространство, прогретое энергией думательного процессора.

Есть ещё остатки отдельных слов и их редких брачных союзов от прошлой повести. Союзы и междометия, скорее междунытия из междубытия.

Предлог на английский манер – препозишен. Подползи же, предлог поближе к существительному.

Хотя уже есть мысли, объёмом выпирающие из одного слова, как женские желания в гареме.

Они подобно мелким ящеркам, глазками-двоеточиями пытаются всмотреться в контуры замысленного.

И, видимо, подчиняясь некоему генетическому влечению природы, почувствовав близость подобных, готовятся из простых форм попробовать организовать более сложную материю – сословие слов.

А может, пока просто, как утерянный хвост ящерицы, лежат, задумавшись о том, куда же это уперла голова.

Моя пока на месте, и уже где-то в оффшорной зоне подсознания открыт текущий счет для накопления капитала букв, слов и превращения их в складские запасы.

Плугом освоятеля целины по чистейшему полю А-чет-

вертого листа, убранному "снегурочкою", отваливаю первую чернозёмную, чёрным по белому, строку повествования в надежде получить урожай озимых всходов читателей на моей ниве в срок.

Хотя можно было повременить, и тогда, возможно, из отселекционированных зёрен весенних слов сорта "слава" взошёл бы более плодущий урожай.

И глядишь – в закромах уже яровая слава.

Преодолена пограничная полоса строки, а дальше поля свободы.

И я полевой командир провозглашённой мною республики. Сегодня имею полное право.

Так ли хорошо я справлюсь с незнакомым мне ремеслом, как ладно конструирует ортопед продолжение инвалиду, видя даль, в которую тот покатит, как проктолог вникает в глубь, зная, что в ней находится, и видя, что появляется на поверхности, – мне неведомо.

Я вообще, как прикованный к пулемету стрелок, пока не вижу своей цели.

Я упакован в вакуум. И вата в башке… Ватуум.

Нет рядом ментора, который бы вёл, подсказывая.

Просто сказали – пробуй, пиши, а пока только: пши… пши…

А может, и хорошо, что в одиночестве и глушине носишь слова по мозгу, потому что как раз и может пугливая растерянности немощь, а не шум известности, сыскать резервы не

на поверхности, адсорбируя тревогу и уводя её из организма через словоотвод.

И где-то в темноте, обламывая крышку аварийного дыхательного клапана, выпускаешь неожиданно джинна "второе дыхание" и ему на помощь спешит второе терпение.

А уже внутренним зрением начинаешь видеть, что благодаря тревожному плеску ума сознание прибивает его к мыслеплатформе, с которой можно запустить синхроном ввысь пилотажную группу идей.

Я как пчела-недонос.

Не донёс я до бумаги часть текста потому, что практически всё ценное я собираю в полёте, т.е. в походе. Но если не успел занести на бумагу, то всё и не пиши – пропало.

Мне потом с бумаги в голове нужно перетарить на настоящую, а с неё – в виртуальное пространство головы компьютерной.

Мне, конечно, не до премии доехать Букмекеровской или как там её – Букеровской.

Мне бы хоть на малюсенький гонорар нацарапать, ведь шаг-то крупяной, меленький.

По буковке собираю, по букеровке.

Если честно, то соскучился по большим деньгам. Ну как большим – для меня. Случай, всего-то пару-тройку раз, и свёл с неплохими деньгами.

Прыжки через бессловесное пространство, через обрывы, через пропасти между слов, через слова без особого смысла

очень часты.

Не так ловко я загоняю стаю цветастых слов, как рыб, в качестве наполнителя смысла в заводь абзаца.

Меня первая повесть "Одиночный" сделала живородящим, но ничего, кроме хлопания по плечу и словесных авансов, не принесла.

И вообще это не был вдохновлённый автором труд, меня кто-то сзади, как кобылу, перетянул вожжами, и я как зае… записал всё попавшее в моё поле зрения и проросшее там урожайно, и даже чуть больше, пока мчался и смотрел по сторонам.

Были люди, которые, полистав по диагонали, сказали: читай это сам.

Я с пониманием отношусь к здоровому критихамству, поэтому никаких возражений.

Тем более что всех моих читателей наберётся не более, чем на собрании по вопросам ЖКХ какой-нибудь "хрущёвки".

А многие вообще просили писать короче.

И я, идя им навстречу, постараюсь уложить всё повествование в одну строку.

Правда, опять же не ручаюсь за её длину…

Хотя сегодня, пожалуй, всё это не имеет никакого значения, потому что пишу в лучших наших традициях: в стол.

Ведь читающая публика почти вся превратилась в считающую… как и раньше, деньги до зарплаты. В лучшем случае

– листающую.

А можно дописаться и в "столб"…

Уже родилось и, похоже, будет только крепнуть движение "Антимайдан".

Но иногда продолжаю получать и лестные отзывы.

Подкрошат хвальбы – работаю клювом… стучу. И запиваю зернобубновые и хлебонесущие.

Закачу-ка я на кухоньку птачку чая.

И заварочка сквозь воду, которая через огонь, и напитком в медную трубу глотки глоточками.

И трудяга чай на чело поставит следы круглого, крупного пота.

А через некоторое время пошла отдача от организма. Клетки делегировали излишки воды вовнутрь. Кто сколько смог. Меньше всего, наверное, кости, ногти и волосы. Но, со всех по капле и мочевому шарику праздник – жёлтое в розовом.

Он-то гордо пучится, сознавая свою важность в данный момент, а вот остальным эта радость уже невмоготу.

Ну, так оно частенько и бывает.

Всё, турбинным способом беспокойство наружу.

Хотя получается ведь иногда нарастить на голую кость алфавитного скелета мясного фарша литературщины, слегка приправленного матерщиной в латентной форме в виде соуса, и уплотнить в слове мысль до почти идентичной натуральному.

И таки получить подобие литературного изделия… лаптературного скорее.

Для меня очень литератрудного.

Написать-то написал, а вот теперь на нужную клавишну нужно тыркнуть, чтобы на своё место отправить текст.

Не тут-то было. Не та оказалась пупочка под пальцем, и нет у меня этого отрывочка – обрыв.

Клык мышки – крик. Выкинул в пропасть.

Да глаголом об существительное.

Обида на свою компнеграмотность перехватила горло, как собака пастью. Перехватывающая парковка получилась.

Необходимо отдохнуть чуть. Чудесно ведь уже освоился на этой "шведской" стенке из строчек.

Ловкой обезьянкой вскарабкался наверх, и вот – надо строить заново. Делать нечего, впрягайся.

И из-под копчика пера на кончик аппетитно течёт чернильная слизь, т.е. слюнка… и мажется… пишется.

Хм… А получилось вроде чуть лучше. Идет выделка шкурки по слоям. Значит, где-то поближе этот вариант эпизодика к ценности пушистого меха, чем в первом варианте.

Хотя многое, о чём пишу, имеет тиснение на моей коже. Да и внутренние органы не остались в стороне. Они тоже орнамент на поверхности формируют.

Как пелось в песне: ты только все, пожалуйста, запомни, товарищ "ПАМЯТЬ".

И товарищ печень…

Кое-что усвоено напрочь, накрепь.

Вот с вычислительной техникой, как в институте не заладилось, так и тянется шлейфом.

Тогда настолько заплутал в непонятном для меня языке программирования "бейсике", что чуть не взбесился.

Пересдавал зачет несколько раз. А потом плюнул и сдал его своему корешу. Талантлив парень оказался по художественной части и в зачётке он расписался лучше, чем сам преподаватель.

Сидя в креслице, прямо по курсу разглядываю картину за окном, даже цепляя обочину.

Еду в общественном транспорте. В двух метрах напротив меня, в зоне моего бокового зрения, как жар-птица ярким виденьем появляется красивое, женское молодое лицо.

Ты хочешь сказать, что невозможно определить, так ли это? Смею заверить, хоть и не посмотрел я на него в упор. Каждый мужчина в такие моменты всей своей кирзовой свиной шкурой ощущает прелесть соседства. Я продолжаю совершенно отстранённо изучать пейзаж, видя мимо.

Грязные обочины дорог. Весенние снабжающие организации наконец восполнили острый дефицит листвы.

Но она ещё далеко не изделия по ГОСТу, видимо, в связи с почечной недостаточностью.

И прозрачные, и цвет их наивно зелёный, неспелый.

Видимо, только что подвезли с прокатного стана, где почки расплющивают в лист.

Ну да ладно, по ходу пьесы исправят. А на безлистье и так сойдет. А попозже выкормят корневыми усилиями молодую поросль, независимо от уровня. Хотя, может быть, и здесь у каждого лоббиста-корня свои протеже протягивают ветки наверх. И листочки, наверное, есть, которым можно солнышка и воздуха побольше.

Впрочем, это лишь инсинуации.

Конечно, это из вон той грязи прикорневой. Ведь не растаял ещё весь снег, и он-то и даёт подпитку подобным разговорам.

И изредка, отдельным экраном на общем фоне трансляции, чуть увеличиваю резкость в том месте, где восседает красота, по-прежнему не поворачивая даже головы в ту сторону.

И что вы думаете? Я ощущаю некоторое замешательство в поведении.

Что её смутило? А… похоже, что вот это моё деланое равнодушие. Ведь она привыкла к определённому церемониалу. Через долю минуты все самцы, претендующие на доминирование, видимо, как правило, уже отмечаются в путевом маршрутном листе этой красавицы.

Украдкой или стикером липкового взгляда в глаза, которые она и вовсе не пялит по сторонам, а все же чётко, как внимательный контролёр, корешки билетов обрывает безошибочно.

Но тут она не совсем понимает ситуацию.

В чём дело, почему этот нахал не сгибает колено и не проделывает ритуал поклонения красоте?

А всё ли на месте?

А то, как у Гоголя: НОС!!!

Да нет же, сегодня даже в зеркале все черты были как-то особенно органичны. Бывает же, что ты своей физиономии ставишь девять по десятибалльной шкале.

Слушай, а может, с причёской что-то?

И вот я вижу первый выплеск беспокойства. Её прелестная ручка пробежала торопливо по волосам.

Что вы милая, даже если бы на голове был сейчас полный… это бы смотрелось очаровательно. Не в этом дело.

А в чем? И она продолжает искать причину.

Может быть, что-то с одеждой?

И я вижу, как она осматривает всё, вплоть до обуви.

Сегодня я могу себе позволить роскошь человеческого общения на других началах. Для меня сейчас ваша красота мало стоит.

И поэтому я не буду вилять хвостом и заглядывать в глаза.

Сегодня я хозяин ситуации, и ты это почувствуешь, когда я посмотрю тебе в глаза, в последний момент расставания навсегда. Я не вернусь после новостей и рекламы…

И занозой у тебя в мозгу останется вопрос… Да кто ты такой, чтобы?..

Кто я? Я трудонолик. Да, да, не трудоголик, а временно не работающий. Возраст за пятьдесят.

Кто стоит за мной? Убеждения.

Откуда средства к существованию? Наверное, из желания не изыскивать средства прекратить существование, пока оно доставляет радость.

Живу без содержания, но в форме.

А радостей в моей жизни было. Торжество пленарного восседания за праздничным столом – после долгих приготовлений, женских мистерий начинки стола яствами и украшений в конечной фазе и себя, после беготных и бигудных состояний в торжествующие наряды – требует некоей стартовой отметки.

Открыли: заседание и тару и налили по первой. И прокатили мы её, родимую, мимо острых зубов, не повредив ни вот столечко, по мягкому зернистому языку через гланды, по пищеводу в желудок, как на саночках с горочки.

Из узкого бутылочного горлышка да через твоё, не очень пока широкое, эта порция свежести и удали выехала на простор. И вот уже придохнуло нутро, как втягивает первую порцию воздуха гармошка в руках у затейника.

И тут надо побыстрее сплавить со стола, как лёд во время ледохода, остатки рудиментов официозности. А значит, быстренько налить по второй.

Да вы закусывайте, закусывайте!

Конечно, конечно. Правда, один раз, сидя в компании иностранцев, на наше традиционное напутствие услышал:

А зачем ?

Как зачем? Ну чтобы не опьянеть!

А зачем тогда выпивать?

Ну да не понимают они ничего в наших застольях. А мы по второй. Все по погонам и на первый-второй рассчитайсь, как в армии.

Так, у кого пять звездочек – тому коньячок. Вот Еремею Тактиковичу, как медаленосцу, орденоносцу, партбилетоносцу, грамотоносцу, мы льём, ничего не спрашивая. Ветеранам фронта застольных битв с алкоголем – особый почёт. А вы меня уважаете?

Так что второй эшелон прибудет вовремя. Сам погибай, а товарищу наливай… И ни-ни, ничего и знать не хххотим, сами язвенники.

Вон, подгребай лучше ближе салатик капустный с орнаментом ярко-клюквенным, как по болотцу сыпнутым размашисто.

Заячий аппетит – салатам, а волчий прибереги к мясу.

Конечно же, нашёлся заводила, который водку льёт в рот, как воду, и она исчезает там, как в трубе большого диаметра, не шевеля при этом кадыком.

И не морщится он, а только шумно выдыхает лёгкие фракции выпитого и досылает в ствол горла маленький солёный огурец.

И из его иерихонской трубы тут же звучит призыв налить ещё по одной. И нальём. Это нам после первых двух надо было обязательно расконцентрироваться в запивальном на-

питке.

А чем дальше, тем проще. Даже уже подражая застрельщику, будем пить с ним на брудершафт.

Чемпионат меры. Хоть ты прекрасно знаешь возможности своей печени. Кляча она бесхвостая. А сигарета, как фитиль бомбы, догорев до фильтра, взорвётся внутри без звука, но сильно повредив коммуникации.

И ты уже не топ-менеджер своего тела… Оно как мопед, долго таскаемый по дороге при запуске с толкача, неожиданно оживает и, вырвавшись из рук, катит куда-то в кювет.

Это потом выяснится, что придорожная канава будет только под утро, а пока горные тропы и таинственные чащи, живописные шрапнелины винограда, готовые выстрелить через некоторое время тебе в голову чудесным винным букетом.

Спелыми арбузами вот у той прелестницы груди.

Погоди, погоди, мужики, сейчас наш мастер разговорного жанра и балагур поведает, как один раз сходил на амурное свидание.

С чувством, с толком… в обстановке, посиделки-полежалки расслабили.

Наш донгуан был потревожен стуком в дверь не вовремя. Выскользнуть из расслаждения не составило труда, сделал это на раз.

Воображение быстро подсунуло картину короткой и жестокой расправы, потому как он не был спецом в кулачных

боях. На одевание времени ушла долька.

И, не успей ловкая женская ручка отпереть шпингалеты на оконных рамах, можно было бы наблюдать картину, похожую на ту, когда боец из отряда "Альфа", штурмуя захваченную преступниками квартиру, влетает с размаху на верёвке откуда-то с крыши, превращая при этом стекла почти в первородное состояние, т.е в кварцевый песок.

Здесь пришлось с такой же стремительностью и напором освобождать временно захваченную территорию.

И он, как реактивный снаряд, не теряя скорости, устремился прочь из опасной зоны. И темнота зимней ночи, и быстро покинувшее его бессилие после утехи, и упругий бег зародили надежду на завершение операции без особых потерь.

Но неожиданно, после того как обернулся в очередной раз через плечо, он ощутил, что что-то в этом ритме сломалось.

Как в кинозамедленном темпе, ещё раз повернув голову назад, понял, что находится на одном и том же месте.

Ужас-то заключался в том, что ноги по-прежнему бежали.

Это что? Переход в параллельный мир? Сон?

Когда невероятными усилиями ты пытаешься сползти с железнодорожного полотна, чтобы тебя не расчленили колеса поезда и ощущаешь, что ног нет. Нет под руками даже ваты, чтобы их сделать.

Напряжение последних мгновений вырвалось рыком огненного вулкана "БЕЗУМИЯ".

Крик вернул рассудок. Оказалось, что на пути выросла не замеченная в темноте крупная заборная сетка-рабица.

Первая попытка перелезть через неё была похожа со стороны на высокий прыжок гимнаста назад через голову. Стремительно карабкаясь наверх, он своей тяжестью загнул конец сетки против движения и, сорвавшись, не приземлился на ноги, а рухнул в снег прямо на спину.

Только со второй попытки, балансируя на гребне металлической волны, как гребец каноэ, наконец выгнул вектор движения в нужную сторону.

Гоголевская тройка, выпади ей шанс побыть в состоянии состязания с донгуаном на дистанции в ближайшие полкилометра, наверное, бы долго отпыхивалась, высунув языки и жалобно позвякивая колокольцами…

Он-то понятно, а ты-то куда, тройка?

Подрывник-смех работает без осечек и, как по палубе морского судна, покатились безногие тела в качку, после очередного нахренительного пассажа, приправленного крепким словцом и снабжённого таким, надетым на речь жестом, что некоторые хватаются друг за друга, чтобы просто вместе утонуть в этом море веселья.

Скачет конячье ржание.

В море музыки, при почти полном отсутствии света во время медленного танца, все уподобляются водорослям. Есть чудеса на свете, а сколько их во тьме. Держитесь крепче и не теряйтесь.

Будет в конце песни свет, а потом даже жар: трюх, трюх, трюх – разгорелся наш утюх. Танцуют ВСЁ.

Счастье вдруг, в тишине, постучало в двери. Верю и не верю. Здесь помню… здесь не помню.

Наполним алым ёмкости сердец, с растворённой там радостью и быкнем или бибикнем в такт.

И не собьёмся с него. И от следующей рюмы – глаз изморозью и искрой задорной.

А не желает ли этот субчик отведать фирменный супчик тёти Фимы?

Не было ещё в нашем обиходе слова "субкультура", но зато мы знали, что такое "СУПкультура".

Все нормальные хозяйки могли их готовить. Закусывайте, родненькие, закусывайте. Нам ещё ого-го…

Праздник, бухая своим размахом-разбухом, оккупирует новые территории. И вот уже в углу, в подъезде, поцелуй плющит и душит маленькую девушку, а она и не думает просить помощи.

Даже напротив, соединила рукава платья на шее у него.

Этот хирург пластический точно сделает ей операцию по изменению формы губ. Ну и ладно, лишь бы смогла она потом ими принять ещё одну рюмочку.

Песенный перебор… пережар, перекомфорт в этой тесной инфузории– кухоньке, где только и разбежаться-то можно таракану, и то препятствий столько, что только и гляди, чтобы не успели приладить на спину тапочек, порвав хити-

новый камзол по швам. Но сейчас не до него.

На воздух. Как будто кричит вентилятор, крутя своими лопастями– язычищами, выталкивая всех за дверь.

А тут вдарим гитарой по песне, и она завизжит вдоль по улице. Призрачно всё в этом мире бомжующем.

Заметался гитарный вззвяк между солистами из-под корявых сучков пальцев, как нетрезвый прилипчивый официант. Истошностью вылился крик, таскаемый эхом звучной ночи по просторам околотка.

Праздник раскалился яростным вольфрамовым припёком-припевом, который выучили наизусть, и знают, что слово из песни – выкидыш, поэтому подхватывают все. И глотка песне не помеха.

Ох ни… я себе, куда мы утянули ноту своими доставучими голосами, а потом опрокинули эту высокую неконструкцию прямо в тишину.

Уже и звёзды злыми волчьими глазами скалят за то, что уже достали мы всех в этой вселенной.

А кому-то потом бессонница. Сон, как престарелый кот, уходит от погони злых, дурных молодых псов, ночным дозором патрулирующих все промежности улиц.

И где искать спасения?

Кануна накануне. Оргмероприятия по отходу в сон дали где-то сбой.

Бессонница, прикинувшись нянечкой-надомницей, оказалась просто бесстыдницей, бесовницей и развратницей.

Давай толкать неприличные сюжеты на уже почти в спящем режиме находящийся экран.

Наиздевавшись, натешившись, бросила.

И уже когда в окно глядел измученный, бледный четвёртый час, нашёлся блудный сын – сон.

Но и он оказался без золотой жилы бодрости, только тщательно перебранные терриконы пустой породы.

День ещё более явно вычертил на графике "дно", если даже не двойное.

Есть такая фигура в техническом анализе при торговле на бирже, когда ситуация тычет пару раз в один уровень и наконец разворачивается.

Как товарищ Остап Бендер Кисе Воробьянинову: двойное "НА".

Вот тебе за девочек. Вот тебе за милицию.

Если все мы где-то пуповиной связаны в одно целое и оно живёт по принципам нам подобным, то я попал в ситуацию, когда некий перебор негатива должен быть через "канализацию" удален из оперативной памяти.

И я, видимо, оказался на этот раз в порядке очереди той самой сливной воронкой.

Уже на выходе из дверей квартиры заклинил замочек на верхней одежде и пришлось снимать её через голову. Потом этот же трюк повторился вечером уже на другой одежке.

На почте не оказалось извещения о высылке мне важных документов.

Продолжается тянучка времени… за крайнюю плоть.

Позвонив другу на работу днём, услышал обнадёживающий ответ: приходи, я на месте, вопросов нет – сделаем.

Двинулся в путь и, уже достигнув цели, ещё раз набрал номер телефона у проходной.

Нет вопросов. Просто некому их задать. Приятель частенько забывает телефон в другом помещении.

Сквозь низкопотолочный, барачного типа коридор погоды – в обратный путь.

Серый цвет в избытке не радует.

Тучи бреющий полет заходит на посадку, как будто с космических высот, и такое впечатление, что сейчас из её грузового отсека начнётся метеоритный дождь.

Или, того хуже, начнёт падать мелкий мусорный металл, прихваченный на околоземной орбите, или в крайнем случае вывалится вода, утяжелённая дейтерием…

Она тычет своей тушей, постоянно уменьшая клиренс, в высотные домонаслоения.

Тяжела туча мономаха…

Связан я погодой, как язык, взятый в плен. Кляпом во рту у меня эта туча, и она оттёрла меня от рационального восприятия действительности.

Я правлю своими действиями, как пилоты воздушным судном в сплошном фронте облаков.

Попутные мысли просто пытают, стуча копытно, путая, сбивая с пути.

Куда кривая выкривит? Да скорее снова в колею… Из звёздного масштаба забилась в утлое улиточное убежище молекулярной сущности.

Мышцы не совсем понимают замысел.

Я тоже. По воздушным ямам ломаю себе ноги, чувствуя пропасти, в которые лечу вверх тормашками и давлюсь блевотиной, как когда-то в детстве пробовал на вкус полёт в "кукурузнике".

И постоянное чувство жжения раздражения. Встроенная головная боль в череп.

Запах горелого на сковороде настырен, налипчив.

Кашу маслом уже не исправишь.

Организм начал устойчивое разложение на беспричинную злобу, бессилие и хандру, и даже плаксивость местами проступает мокрым пятном.

Обрыв терпения, прогиб сознания, перелом воли, вывих движения, потеря обоняния.

Развинчивание… радостей развенчивание. А может, взять да просто расплюмажиться и рёвом уреветься, как в детстве.

Ко всей московской публике у меня претензий нет. У меня только к двум, ну трём есть вопросы.

Очень я осторожно подступал к этому моменту.

Можно сказать, годы. Я и так и эдак принюхивался, прицеливался, приценивался. Все-таки инвестирование в зарубежную недвижимость не шутка.

Сначала заочное знакомство через Интернет с этим вопросом. Просмотр некоторых источников из профессиональных журналов.

Да, есть официальные цифры о доходности коммерческой недвижимости в странах первого эшелона.

Даже во время финансового кризиса 2008 года в США и Германии они составили около десяти процентов годовых.

Ладно, давайте подкрадёмся к самой процедуре поближе. Первый созвон.

Я сегодня достаточно осторожно подхожу к вопросам, где не совсем компетентен.

И, конечно же, имея опыт в судебной сфере, начал с запроса их устава и прочих документов.

Да вы что, мы же настолько серьёзная фирма, что нам доверяет и даже приглашает в качестве консультантов одна из прибалтийских стран.

А мне-то какая разница, кто вас приглашает, вы мне покажите уставные документы.

Ну нет – значит нет.

И на год просто забыл их.

Решил самостоятельно найти подобные услуги, но языковой барьер, компьютерная неграмотность не позволили этого сделать.

Писал в зарубежные офисы "Коллиерс Интернешнл" , "Найт франк" и даже в штаб-квартиру.

Ассоциации инвесторов в зарубежную недвижимость с

просьбой помочь найти надёжных партнёров. Но понятно, что мой масштаб их не интересовал.

А контора Игоря Индриксонса продолжает слать одно предложение за другим, а я их в корзину. Ну не доверяю я им.

Жду ответа из американского "Сити-банка" с конкретизацией по моему вопросу. Первое мое письмо наконец нашло адресата, и я получил ответ. Правда, следующего и вовсе не последовало. Понятно, что не их специализация.

Да что ты будешь делать.

Ёбук… буквой об цифру.

Ну ладно, где вы там, посреднички московские? Надо мне побывать в Москве и по другим делам.

Офис вроде в солидном месте. Встретился лично. Посмотрел им в лица. Лики иконописные, выглядят крахмально. Они только посредники, и я буду работать через них с английской стороной. Надёжность гарантируем. Управляющая компания обеспечит доходность номера в хостеле, на юге Англии, не менее десяти процентов годовых.

Ну, что? Надо когда-то начинать и, надеюсь, успешно продолжать.

Решился.

Дамыгоспода… господамы !

… И что в итоге?

Эй, московиты вокруг … виты.

И на этом шесте танец выкручивающие на пару. Приде-

лывая лица весёлые голове, тряся упитанные животики тюленьим жирным смехом.

Я-то вижу из этого каскада только один элемент танца, выхваченный вспышкой, – ваши хопы, тесно прижатые друг к другу, прицеленные в меня. И всё это происходит в тишине.

Ребята, не надо рыбьячества.

Не надо так плотно давить губы, как партизаны на допросе. Показали вы уже себя во всей красе.

Блеск и нищета куртизанов. Наглая ухмылочка у вашего юридического лица. Можно сказать, даже хари.

А вот же, ещё недавно языки ваши были просто купюрами деньговыми. Вы же были гарантами. Да уж… гарант всему.

Пишу секретарше с просьбой донести до капитанов бизнеса, что пора с помощью научных выкладок объяснить, почему мне причитается выгода от моих инвестиций в лучшем случае около двух процентов.

Ну-ка, почта, запрягай своего самого шустрого "ямщика", чтобы по электронной почве скакал без перекладных для доставки письмеца злого:

"Понимаете ли, что с меня уже можно писать картину "девятый вал".

Моя нервная система не выдерживает сумасшедшего напряжения. Вчера у меня поднялось давление до отметки 666/6.

И если бы я не съездил в бордель к девочкам, то наверняка бы взорвался и сам бы ещё попал в ряды террористов. Надо

что-то срочно предпринимать в отношении Шевченко.

Не могли бы Вы зайти к нему в кабинет и от моего имени влепить ему пощёчину, громко крикнув: ВЫ ПОДЛЕЦ…

Хотя, впрочем, пока не надо. Я надеюсь, что у него проснётся совесть и он вспомнит, как громко, подобно африканскому слону, вместе с Куприным, трубил на всю московскую саванну, что меньше десяти процентов не будет ни при каком раскладе.

Дак я надеюсь, что ребята всё-таки из своих карманов и доложат, до тех самых десяти. А то ведь Шевченко один раз на пафосе заявил, что весь их бизнес репутационный. Вот пусть и поддержат свою репутацию.

Чунга – Чанга, весело живём !"

Сегодня я желаю вас поймать за язык-купюру.

Молчит… братия во бабле.

Прошу Карину попробовать донести мои просьбы как-то более вдохновенно, ну например, в стиле Болливуда…

Заглотили денежки за щеку и молча пересчитываете их языком?

Стыд энд срам. Вообще-то репутационный бизнес – это, прежде всего, ответственность, точное умение рассчитать свои силы и максимально точно соблюдать принятые на себя обязательства. По статистике, таких людей в обществе всего-то около десяти процентов.

Может, вы, ребята, переоценили свои силы? И ваши возможности гораздо скромнее тех, что на ваших рекламных

носителях?

Призывно глянцевая услуга, а в конце – наждак…

Если не сказать ещё рельсово прямее.

И вот уже отбояриваемся только ответом юриста, который упорно ссылается на то, что никакого договора между нами не заключено, да ещё и грозит тем, что есть записи, где я чуть ли не вымогаю у вас деньги.

Я не вымогаю, а требую возместить мне убытки и моральный вред. Разве можно было себе вообразить, что посредники, клятвенно обещавшие отстаивать твои интересы, вдруг начали работать против них.

А секрет, скорее всего, в том, что компания как посредник не показывает никакой финансовой деятельности в России. И в тучное время у неё не возникало проблем с переводом денег за рубеж по простым факсимильным копиям счетов.

Хотя в законе о валютном контроле пункт о том, что банк имеет право заглянуть в полный контракт, подписанный обеими сторонами, имелся.

Но вот наступили другие времена.

Уже уводят из России свои капиталы суда, гружённые деньгами.

Гуд-бай, Америка, О-О-О… вот где я буду никогда!

И тут, естественно, была дана команда соблюдать закон. А мне, чтобы завершить сделку, осталось выслать контрагенту тридцать тысяч фунтов. Первый невозвратный взнос в пять тысяч я уже оплатил через "Запсибкомбанк" по "бумажке"

москвичей. Правда, сразу получив предупреждение, что для следующего перевода понадобится полный контракт.

А посредники свою песню завели и слышать не хотят об этом.

Они всё время без проблем делали подобные операции, так что не морочьте им голову.

Ну хорошо, идем в банк и…

И девочка из отдела по работе с VIP-клиентами принимает мое заявление, и всё – контракт оплачен.

Фу, ну вот хорошо весьма. Копия о переводе, как и в первый раз, отсканирована и отправлена в Англию.

И только через десять дней, к моему удивлению, я обнаружил на счету ту же самую сумму, что и до отправки.

Не понял. В чём дело?

Ой, извините, перевод был заблокирован валютным отделом, потому что требуется полный контракт… это полный…

А сразу-то нельзя было предупредить? Пытались, но не смогли дозвониться.

У вас же есть мой сотовый, вы-то мне названивали на домашний, а он уже отключен.

Да и в таком случае могли с курьером записку в двери квартиры оставить. Ну что молчим?..

Сначала наскоки на руководство банка. Как вы смеете: москвичи говорят, это незаконно. О дайте, дайте моим деньгам свободу!

А потом, глянув в письменный ответ банка, понял: всё под

контролем.

Теперь вопрос москвичам: ребята, а нельзя ли контракт от английской стороны с печатью и в бумажном варианте?

Категорическое: НЕТ. Даже не имеем права. Это конфиденциальная информация.

Глубокоуважаемый господин Куприн, писатель хренов или композитор– свистун, если эту информацию мы не предоставим банку, то я точно потеряю пять тысяч фунтов.

Если коротко: ничего не знаем, решайте ваши проблемы с банком сами.

Ладно, ребята, у меня ведь на руках контракт в электронном виде от английской стороны, а там и телефон, и адрес почты.

А ну-ка, я туда…

Что? Контракт? Никаких проблем. В ближайшее время вам его вышлют москвичи.

Да, извините: небольшое недоразумение. Сейчас мы мухой переведем за свой счет и высылаем…

Ну и как это понимать? Вы кричали, что английская сторона возмущена моим вероломным поведением? Так это, может, кто-то другой вероломно охраняет свою задницу?

Ну что, напёрсточники, кидалы?

Отморозок это не птица. Ведь у Шевченко ещё и наглости хватило спросить о том, что если они правильно поняли, я уже не их клиент.

При посещении офисов не очень солидных заведений, но

надёжных, на вопрос: а не желаю ли я отведать чая или кофе, говорю: а вы знаете, я бы сразу приступил ко второму блюду, минуя даже салатик.

А с вами я на одном гектаре какать не сяду.

Говнералиссимусы от бизнеса.

Он и лаптем щи… талантище.

Прорвался парень сквозь туманность неопределённости.

Теперь он обеспечен по гроб жизни. Надо отдать ему должное: он чуть с ума не съехал, пока не понял, как работает эта схема торговли акциями.

Он вычислил и теперь, уделяя этому занятию пару-тройку часов в день, может спокойно заниматься другими делами.

Рукой по траве махнул – гриб, снасть в воду макнул – рыба.

Или, например, прийти ко мне и, эдак важно подбоченясь, рассказать, как он всех своих оппонентов на форумах ставит на место своими прогнозами. Потому что: я не думаю – я знаю!

Ну просто – МАК энд ВОЛШЕБНИГ.

И они у него сбываются с точностью до копейки раз за разой. Вот ведь зараза и не хочет делиться секретом. Ну не вопрос, нет и нет.

Зато он хочет сегодня предложить мне заработать деньжат другим способом.

У меня ещё небольшая валютная кубышка находится в банке, а раз он с точностью до копейки знает прогноз, то ка-

кие проблемы: продаём её в точке "Х" и покупаем в точке "У". Ему десять процентов от прибыли. По рукам? Поехали…

Ну всё, я даю команду на продажу?

Да.

И первые два дня ситуация идёт в нужном нам направлении.

Но что-то начинает внушать некоторую тревогу. Разворачиваемся и, набирая обороты, – в другую сторону…

Эй, друг, а тебе Алан Чумак не родня случайно? Тот даже по телевизору делал людям "гусиную" кожу.

Как это понимать?

Ты же гений технического анализа, и не должны никакие эмоциональные события влиять на твои прогнозы.

Сбитый сепаратистами корейский "Боинг"?

Да, для всех здравомыслящих людей это ужас и кошмар. Мои соболезнования…

Но и раньше конфликт на Украине уже разворачивался вовсю. Дак придёт цена, куда ты ей указал?

Да, но нужно переждать.

Да уж, вот это самое пережидание и есть труд тяжелейший… Где бы нервишек на рассаду раздобыть: свои в расход почти все пустил. Ну куда прёшь, тебе же гений указал совсем не туда.

А вот и он прибежал как чумной.

Минута мычания в докладе о том, что уже ни в чём он

не уверен и тут ничего не поделаешь: рынок есть рынок. И быстренько юркнул в дверь.

Ну и как называется эта фигура в техническом анализе?

До того я тебя видел в позе павлина, а когда ты, как шакал, поджавши хвост, убегаешь? Понятно.

Банный лист тебе в рот.

Бабуля моя про таких говорила: тебя не спрашивают – ты не сплясывай.

А вот когда прищемляются твои интересы, тут картина бывает обратной. Тут гром об молнию и карой небесной грозишь "неверным"… своему слову. Конечно, ты противник этому режиму, где всё прогнило и никто ни за что не отвечает. Но ты-то человек благородный, воспитанный на лучших образчиках искусства и литературы.

Поэты серебряного века тебя, как тонкого ценителя их творчества, будь они живы, приглашали бы наперебой в свои салоны, высылая Вашему благородию персональные пригласительные.

Но я несколько другого мнения о Вас, моншерсть.

Для меня вы – плебейское благоуродие.

И я уже про себя сказал, кому хотел персонально: прощай, немытая Россия.

Конечно же, не всем, а только таким, как ты, офицерам запаса, у которых честь ну в очень глубокой жапасе.

Ну ладно, пока воздержусь есть перец, чтобы не думать зло.

А лучше покушаю пока побольше мучного и сладкого, чтобы память была в этом месте мучительно слабой.

Ну вот есть же примета: деньги к деньгам. В моём случае именно так и есть. Вытекло из этой финансовой раны ещё десять месяцев моего простого физиологического жития.

Восстает в моём жилище беспрестанно беспорядок, как из пыльного праха веникс.

Прямо у входа у меня расположилась сапоговаляльная фабрика – сапоги валяются уже второй день под порогом. Хотя их уже давно надо было вымыть после рыбалки и убрать на лоджию.

И возлежит под кроватью филигрань пыльного ковра.

И уже точно знаю, что не быть мне чистюлей и аккуратистом в быту.

Но я стремлюсь сегодня к наведению порядка в душе…

И снова на кону очень большая для меня сумма, и будь я сейчас окружён семейной заботой и держи совет с ней, как поступить, что бы я услышал?

Я-то, один на один с собой, говорю, что прав на все сто в отношении тех, кто меня наглым образом опрокинул.

А здесь появляется перспектива этим монетным дождём смыть ближайшие финансовые печали до далёкого горизонта и под солнцем провести без забот сто месяцев.

Но здесь есть маленький нюанс: нужно занести людям часть, чтобы правда восторжествовала.

Мысль одной фразою… фрезою… фраза… ЗА…

ФРАголосившаяЗА…

Одёжные руки, т.е. рукава висящей куртки на плечиках, потеряли симметрию, и один из них, слегка отодвинувшись в сторону, повелительным жестом указует: исполняй предначертанное.

И стрелки часов горстят в одном месте и тоже тычут в ту же сторону…

Но я сделаю еще один карьерный шаг вверх по лестнице моральных установлений.

Улыбарствует голубынь неба в просвет белых облачных бельм беспечным взглядом солнечного зрачка. И я только что и успел приятно расположиться в этой погоде.

Но она в это время выбрала не совсем устойчивую точку опоры – ветер.

Тетевою косы он махнул по траве, ничего не выкосив, но травостой превратился в траволёг.

И вот уже серое мозговое вещество задумчивости туч пытается сообразить, как бороться с этим вольняшкой, который и тянет-то куда-то на дно.

А вроде не туда было назначено. И тут бы парусом выгнуться, отрулить в сторонку и дальше тянуть прикреплёнными файлами в почтовом формате дожди.

Ведь тучи, как сёстры милосердия, наверно, спешат туда, где немилосердно трудно, может быть, в барханы бархатов Сахары.

Вот ведь ещё совсем недавно вдыхал запах цветов.

И пытался сконцентрировать его в воображаемую каплю мёда для холодов, которые отнимут летнее удовольствие.

А я достану её где-то на внутренней стенке черепа языком хамелеона и будет она мне точкой опоры, с помощью которой рычагом воображения я переверну мир зимы в лето.

Когда можно неограниченно расхищать ароматы сельпо нашего поля, леса. (?)

И запахи мяты из нерасчёса перемятых ветром трав.

Они мне дороже, чем запах пробников в парижских маркетах косметики.

А вообще-то эти запахи природы не человеку предназначены.

Эти великолепные образцы совершенства – язык общения растений и некоторых видов животных.

А вот сам человек, в обычном состоянии, излучая в природную среду свой натуральный аромат, так ухает благами, что только держись. А неделю не помыться? Не говоря уже если: распевание души и отмывание тела.

Раньше процедура прощания с покойным проходила показательно открыто. Видимо, подражая времени всеобщего горя масс в связи с уходом великих вождей.

Авто с откинутыми бортами кузова медленно ехало по центру дороги маленького городка, и за ним шла траурная процессия, оставляя за собой шлейф хвойных лапок.

Которые как бы на время удерживали внимание всех к уходу человека из жизни. (?) И всё движение по дороге под-

чинялось этому процессу.

И сегодня, переходя дорогу сквозь медленно едущие мимо меня автомобили, я неожиданно вспомнил картинку из прошлого…

И шальная мысль пришла в голову. А не подойти ли к кому-нибудь из медленно ползущих и не спросить:

А кого хороним? Или точнее: что?

Потому что понятно, что по стране уже давненько шествует экономическая траурная рецессия…

И как раньше пробки отражали страшным нетерпением бурное развитие, так сейчас они становятся символом почти полного торможения и унылости. Сейчас они более похожи на прощание человека с жизнью… сытой, довольной.

Ну, нам не привыкать. Восполним потерю горем. Алкоголь-то всегда под рукой.

И как тут, толкаясь и матерясь в пробке, не лезть в бутылку?

Ведь только что, совсем недавно, висевшая как у Буриданова осла морковка – под самым носом, уехала сразу далеко вперед.

Рублик взрослеет на глазах. Поговаривают, что скоро с возрастом президента сравняется. И за ту же самую "корзину" к столу нужно двигаться как минимум на треть быстрее, а ты стоишь в пробке со вчерашней размерностью.

Вставайте, рубли русские, вставайте, рубли добрые. Сестрицы копеечки, уже, конечно, не помощницы братьям.

На смертный бой, последний бой?

И вот уже идёт борьба добра со злом на "Форексе". Правда, гнётся наш банковский билет под напором "американца" и скачет козлом.

Хотя, пардон, как балетный танцор. Пусть всё это действо и будет называться банковский балет.

Ну кто, если не Россия, может гордиться этим высоким искусством?

И героическим преодолением трудностей, которые потом и вдохновляют на воспевание этого подвига в балетном величии.

И трагизма-то хоть отбавляй, и ульёмся слезами жалости к самим себе насквозь.

И вот она, тема, вошедшая во все энциклопедии по искусству – "Лебединое ЗЭРО".

Умирающий на глазах… и прощание с телом спокойного.

И мы как некролог будем ещё долго читать мелким шрифтом написанное на банкнотах.

А ведь совсем недавно плыл он величавым лебедем в водах островка стабильности.

И что же будет с родиной и с нами?

В песню, конечно, лишнего слова не закинешь, а здесь, пожалуй, можно… и с рублями?

Федеральная служба безбоязненности, тщательно скрывая замысел, исполняла главную заповедь "не укради", то есть укради несколько сот жизней, но не наследи.

И грубо сколоченный коллектив поднял над всем миром знамя Новороссии.

Прикусила Россия танковыми челюстями-частями соседнюю страну, и начала она сочиться беженцами, и гробы онкоопухолями в теле земли с этих пор долго будут напоминать о неизлечимой на долгие годы болезни.

Вбомблены в головы наших людей оказались те фантомы советской идеологии и, как снаряды второй мировой, но не поочерёдно и иногда, а разом ухнули.

Чем жиже баланда на экономической кухне, тем гуще пропукганда на экранах. Ложь как лыжная мазь – без неё вообще не катит.

Скорее искореним тлетворное сияние Запада…

Телемудивляло, после бесстыдных фрикций, осеменяет народ такой бациллой беспокойства, что коллективное мычало себе места не находит.

Зуботочат… зуботычут… зубы скалами встают.

Пожил недолго я в состоянии свободы, как в новой шинели гоголевского франта, и сняли её с меня, сменив на фуфайку лайковую…

Лайками лагерными изорванную.

И не спасут уже никакие фонды: трещит-то, уже и не швам и в первую очередь слышно через "леху москвы".

Одна из немногих радиостанций, которая не просто ради станции.

Он там рядышком примостился, и к тому же вхож и выхож

и хошь не хошь, лучше него никто не можь.

Точнее, просто не хотят, потому что для здоровья это не полезно.

Да и их радиоактивность уже пытаются накрыть саркофагом, как чернобыльскую.

Горе денег, воздвигнутой в тучные годы, подобно горе Чиопса, мы, вероятнее всего, не сможем поклониться в далеком небудущем, как это легко мы сегодня делаем в пустыне Египетской.

Скорее всего, пустыня и поглотит богатства. Только великие горы мусорные – свидетели буйного роста, похоже, останутся нам на долгие времена.

Может, с этих вершин и читать нашим духовным отцам нагорные проповеди стоящим внизу нашим правителям?

Узнают ли они по горам этим дела нечестивых? И, может, укажут на их лица?

Негоже таким образом обращаться с природой – творением Господа.

Но это всё заговор против Великой России.

Я-то тоже объект заговора, но другого…

Пальцы перебирают камешки клавиатуры, и море информации начинает волноваться, и прибой потихоньку начинает двигать к экрану свежие умосоциации, мозгаллюцинации…

Загребая дальше, замышляю рыбинспекцией в рыбоинсценцию.

Вот она, словесная туша реминисценции рыбьей тенью

под водой. Но не надо гарпуна и сетей.

Это я – "рыба" по знаку зодиака.

В детстве, в возрасте наверно трёх лет, меня очень сильно напугала лошадь, неожиданно выскочившая из-за поворота возле нашего дома.

В том ДТП, между "рыбой" и лошадью, я отделался страшным испугом. Последствия были очень тяжёлыми. Я впал в беспамятство.

Бреднем бреда меня, как рыбу, вытянули на берег, и я метался в горячке, пытаясь добраться до спасительной влаги.

В больницу родители везти меня не хотели, потому что просто не доверяли врачам провинциальной больницы.

А моё маленькое тельце не доверяло своему сознанию, потому что свирепо ломил ветер ужаса, спугнув с насеста рассудок, и мозг ширил паруса галлюцинаций.

И, может быть, уже проходил оформление и регистрацию мой загробпаспорт, позволивший бы беспрепятственно грести в маленьком гробике к погребению.

Отец запряг сани и по перволедью реки, сам рискуя жизнью, по звучащему хрустко льду поехал в соседнюю деревню к бабушке, которая слыла знахаркой.

Она нашептала на воду какие-то слова, мне дали испить. И я уснул…

Тот сон, по словам родителей, длился "ипотечно" долго. Я только иногда выныривал из этого лечебного сна, прося:

Пить… пить… пить… – и снова тонул.

Они по очереди просыпаясь ночью, слушали моё дыхание. Есть ли оно вообще?

Я не помню, и сейчас уже не у кого спросить, сколько это продолжалось.

Что сказала та целительница воде, которая, как покровами Богородицы, усмирила мои переживания?

Отступил тот страх.

Может, и по сию пору осталось ещё пару капель той водицы, которая и шепчет мне: не бойся, малыш.

Говори.

И долго ещё я после этого был поклажею: куда положили, там и уснул.

Как рассказывали родные, меня могли найти спящим не только в своей колыбельке, но и на полу, где-нибудь под столом, или в шкафу.

Наверняка мама брала меня очень осторожно на руки, тихонечко целовала и, уложив в кроватку, с улыбкой смотрела ещё некоторое время на спящего красавца.

Ведь для неё я тогда другим быть не мог.

Да, я иногда люблю плавить в руках детство, как ребёнок шоколад, и увозюкаться в нём по самые уши.

Но в детство своё я не хочу возвращаться, потому что счастлив и сейчас.

Я сегодня начертил себе строгий круг обязанностей-обвязанностей, с которыми справляюсь. И, к тому же, есть цветные вкладыши удовольствий.

Мне просто хочется запутаться в старое пальто и замереть, задремав, потому что в зрелом зрячем возрасте в мечтаниях уже нет надёжности, ведь для их воплощения может просто не хватить сил.

А вот на то, чтобы при этом ощутить то самое детское состояние погруженности в сон, надеюсь, хватит.

И даже если в этом фарватере налечу на детские страхи, то я предпочту их прелесть, чем смердеть взрослым унынием мрачного терпения.

Я-то знаю, что такое перенасыщенное терпением ожидание. Со школьного возраста я помню те тягостные, для того возраста, остановки жизни.

Просто стоять вместе с людьми и ждать…

Занимать приходилось очередь в овощном магазине, куда должны были привезти картошку. Тогда в нашем городе она появлялась только в навигацию речным транспортом, и нужно было сделать запасы на зиму.

И приходилось замерзнуть в очереди по-зимнему, на несколько часов.

Дальше – больше…

И как же было трудно ждать.

Очереди, с продвижением во взрослую жизнь, росли вместе со мной. Приходилось решать все вопросы уже самостоятельно. И требовалось терпение и ещё раз терпение. А почти всё было в очередь. И далеко не сразу терпение становилось легированным.

Добавками осознания, что без стояния просто нет возможности достичь желаемого.

И только через долгий промежуток времени оно приобретало свойство прочности.

И стоял… и противостоял трудностям.

И запас сил я мог уже вознести в степень. И были за это награды, но гораздо позже.

Глаза больше, чем они есть, не сделались, просто обнажились бельма, потому что их мартеновским разогревом пучит желание.

Выплавлено действие и уже разлито в сосуды тела, которые хлещут в нём, как пастушьим кнутом, и хлопки громкими оконечностями возвращаются в начало ушей.

И уже приступом лезет из кожи нарывающийся на неизбежное наказание нервный поступок.

Как невероятно трудно было удержаться на дистанции от того состояния.

Почувствовать мяготь когтя локтя, воткнувшегося в кость асфальта.

Кость в кость: супербольно.

И быстрее бы из объятий боли на волю.

Это ты попытался познакомиться с красивой девушкой на улице. Ты, конечно, себе скажешь: ну и не очень-то и надо было, подумаешь.

Да и не все, конечно, реагируют так жёстко, но здесь ты нарвался.

Ты явно ошибся адресом.

Она модно косметирована, костюмирована.

В совке всё качественное, как правило, было или по блату или на толкучке втридорога.

И вот, преодолев эти барьеры, устремилась на финишную прямую бегунья. Она нацелена на призовые в виде солидного мужчины с квартирой, с машиной, дачей.

И тут под ногами путается не пойми что. Пошёл вон!

Всё понял, не гневайся, барыня, ухожу.

А сегодня понимаешь, как недолог век женской красоты и привлекательности, и как много надо ей успеть сделать в кратчайшие сроки, как диверсанту в тылу врага.

Очередь на товары длительного пользования шла, будто кит под водой с хорошим запасом воздуха, и нужно было выходить на капитанский мостик и со своего места в списке смотреть вдаль сквозь месяцы, когда ж оно придёт, твоё мгновение. И дети, как юнги, тоже с удовольствием карабкались в вышину и смотрели в длину.

И вот наступал момент, когда какая-нибудь румынская лакированная мебельная стенка, на зависть соседям, въезжала в квартиру.

Или новенький жигулёнок подъезжал к подъезду, и в него с восторгом упаковывалась вся семья счастливчиков. И этот торжественный момент вполне можно было отметить фонтаном брызг из глубин шампанирующей радости винного напитка.

Нынешним маркетологам приходится применять изощрённые методы изучения потребительских предпочтений.

Нужно каким-то образом помочь обнаружиться и залиться тревожным лаем. скрытую от самого потребителя крайней надобности в непойми-какой-херне.

Долго тыча ей в морду и наконец начав высвобождать из пасти только что прикушенный слегка край, как бы между прочим бросить фразу, что скидок завтра уже не будет.

Или подсунуть в нужное место в нужное время такую "арбузную корку", что клиент, рухнув на задницу, закричит: чёрт побери! Так это именно то, что мне нужно.

В совке маркетологи были не нужны. Качественные импортные товары, которые ещё только сходили с конвейеров зарубежных фабрик, заблаговременно удивительным образом структурировали беспорядочно копнившийся в их поисках народ в виде списка очереди.

Вообще-то, чтобы наиболее полно охарактеризовать ту эпоху, надо соорудить какой-нибудь монументальный памятник ОЧЕРЕДИ.

Может быть, сделать его надо через всю страну – от самых крайних точек юга, севера, востока, запада – в виде православного креста.

А? Право же, славно?

И другие конфессии, конечно, тоже могут занимать очередь в этом гигантском сооружении в соответствии со вкладом в Русский мир. И ярким орнаментом, на протяжении

всего памятника, по территориальному принципу окаймлять священный символ.

Вот с этого момента и осознать, что это и есть искомый элемент самоидентификации. И в России он существовал, по-моему, испокон века.

И вертикаль – тоже очередь, но, правда, очень долгая, как холод в Арктике, и стоять в ней можно до бесконечности.

Да и если попробую, наверняка услышу: занято! Эй ты, олень, куда прёшь?!

Да и просто лень, потому что у нас всё: путину – утиново, медведеву – мёдвидимо, сечину – всячиново, кадырову – просто здырово.

И с детства помню на столбах линий электропередачи: "не влезай – убьём!"

Сегодня мы показали всему миру, как можем терпеливо стоять в очередях, чтобы приложиться к святым мощам. Мощности нашего терпения могут позавидовать даже камни.

Любое количество людей из Русского мира в любом месте может организовать очередь, затеять склоку, извините – дебаты о своей великой миссии.

Так, собственно, всегда было и скорее всего будет.

Ведь сегодня снова заговорили о введении продовольственных карточек в случае значительного ухудшения ситуации.

А в нашей очереди можно ещё как комфортно в плане ду-

ховном преть в прениях.

Кто там толкнул? Спасибо: сразу на мысль.

Это не просто стояние – это состояние.

И я сегодня предлагаю включить в шорт-лист духовных скреп и это понятие.

Что такое очередь?

Это: терпение, соборность, вера.

Мы свято верили, что нам-то уж точно хватит.

Однозначно, что Советский Союз и держала в качестве стержня очередь.

Вот разбрелись сегодня по отдельным норам и получите равнодушие, черствость.

Дома, похожие больше на промышленные склады, богато обставленно-увешанные, где самим хозяевам надо ориентироваться в них по компасу, просто уничтожили народ.

И в наследство получили какую-то Организацию Разъединённых Наций.

Ведь где ещё, если не в тесной очереди, можно было достичь такого сплочения?

В тесноте да не в обиде? Это неправда. Были обиды, но как это ни странно, мы и в конце жизни потом вспоминаем людей, которые нам были поперек горла с теплотой, потому что они заставили нас напряжилиться в поисках резервов и подняться ещё на одну ступень духа, ловко выхватив у нас прямо из-под носа дефицит.

И вот, если я молодому читателю начну рассказывать о

том, что дефицитом были фирменные американские джинсы и стоили они сто двадцать рублей, – он скажет: какой пустяк, и ему станет скучно, и он начнет зевать, и я тоже вспомню время, когда слушал песни на ночь.

И будто колыбельная бабушкина… баюшкино… кино?

Не ложися на краю… у края на краю серый в сереньком придет…

By you… баю, баюшки, баю.

Да нет: AB, AB, AB… может Эй-Би …Эй-Би… Эй-би… или Эй-Ви… Эй-Ви… Эй, Вы… кто там гавкает?

…Не гавкает, а разговаривает сказочный персонаж Пьеро.

Ну и типок, прости господи. Раскладушечно тонкой конструкции косточки у этого парубка. Прямо перья гусиные. Ну да, правильно, похоже: перо – Пьеро.

И не просто говорит, а также водит мелом по доске, выуживая из алфавита: Эй… Би… Си…

Бесы, что ли?

Как на ЕГЭ три варианта ответа?.. Что? Что?

В случае правильного ответа я смогу стать миллиардером? И я буду иметь возможность играть в одной песочнице с Романом Аркадьевичем?

Несмотря ни на какие форбсмажорные обстоятельства? И Дидье Дрогба сам изъявит желание провести процедуру прижатия рук? Это тот самый случай, когда при дворе Дрогба – на траве – дрова?

Итак: Эй.

А ты ничего не попутал, росчерк пера корявый? Когда ты вообще профилем-то стал?

Я вот сейчас тебя в анфас разверну, чтобы удобней было с размаху тебе врепить, чтобы ты на мир смотрел пристальней.

Что Вы, что Вы? Вы нас неправильно поняли: это первая буква английского алфавита.

Итак:

О ком Мальвина Светаева говорила: и руку жму, а не лижу? Не надо подсказки друга, я сам вам намекну, что это не пудель… и не лапу, а точно руку… хотя тоже был кучеряв.

Би…

Дак у тебя же вон написано: был. Совершенно правильно.

Был ли счастлив в детстве герой Великой Отечественной войны 1812 года знаменитый Буратион?

И помнит вся Россия про день БУРАТИНО.

И третий вариант: Си… не сссы, а си.

Как в первоначальном варианте называлась книга "Мертвые Буши", не очень известного в мировой литературе автора еще и "Карабаса Бульбы" и "Аудитора"?

"Шанель № 5" оттуда же. Правда, этот пятый размер, говорят, когда вещь стала известной, величился до каких-то уж совсем невероятных увеличин.

Но до каких точно, ни из одной бумаги переписчиков одного Самъ-Петербургского Департамента доподлинно неизвестно.

Да что за бред? Сон, что ли?

Да нет: АВ, АВ, АВ…

ЯВЬ… ЯВЬ… ЯВЬ…

Ну вот, уже возраст кладёт печать, неразборчиво расписываясь, что нет возможности прожить весь день в состоянии бодра. И надо же ведь как неожиданно подкрался туман.

Я-то был готов встретить сон, выпятив, как щит, одеяло и занеся за голову булавою подушку, прицепив простыню на плечи в виде пурпурной накидки.

А получилось внепланово как-то, или сверх… а может, просто мимо?

Семья наша переехала планово за длинным, в километры, рублём.

Рыбы ценных пород, дикие животные из сопредельных угодий, птицы разных конфессий не выказали никакого интереса.

Север стонал только комариным восторгом, когда наша семья высадилась в числе первых освоятелей просторов из уральского захолустья в сибирское, слегка потеснив коренастые народы Севера.

Жили мы в то время в двухэтажном брусовом доме на втором этаже в двухкомнатной квартире.

Клопяные кровохлёбы делали своё дело тихо, по ночам, и на моей шкуре они наставили прививок гораздо больше, чем мне как ребёнку было предписано медицинскими учреждениями.

Но и мы не оставались в долгу, чертя на стенах бордовым

бордо клопячьего нутра.

Своё самостоятельное хозяйство, в пределах нашей семьи, вела около четырнадцати лет боярыня Марфа.

Так мы величали кошку длинношёрстной породы. Её окрас, конечно, не затмил бы кустодиевских красавиц, но выглядел достаточно богато. На её шерсти поиграли в пятнашки и ярко-рыжие, и белые, и коричневые с чёрными цвета, оставив место и розовому, правда, только на носу.

А рядом с ним были два удивительно убедительных глаза. И мне почему-то и сейчас представляются они с вопросительным выражением.

Может оттого, что сам я смотрел на жизнь с большим вниманием и как бы всё время задавал себе вопросы.

И она постоянно интересовалась: а когда мы заживем?

Заживём – увидим!

У неё-то в личном хозяйстве все было хорошо: рыбы – ВО, дичи – ВО.

А так как она регулярно, раз в год, уходила замуж, причём супруга не приводя домой, мы каждый раз расширяли свою семью стандартной комплектации на пять-шесть, а то и больше членов, то и детей: ВО.

Муж… да уж… но и жена – тоже на…

Она умела читать и считать. Правда, у неё в мыслях была одна цифра СЕМЬ, с буквами Я, Ю, И, Е.

Что означало: в семью, семье…

Супруг, конечно же, был не один, потому что и до пере-

езда она регулярно выпаивала молодую поросль.

И мне приходилось быть повитухом, принимая роды, вести подсчёт новорождённых и, соблюдая демократические принципы, строго следить за тем, чтобы самые слабые тоже непременно получили доступ к положенной пайке.

Но котята, подрастая, видимо, отвечая на вызовы дерзких мышат, покидали нас, переселяясь в другие дома, как новобранцы-новобратцы на службу Родине, распищавшись на первый – второй.

Безумству храбрых – мы спесним песню.

И Марфа, погрустив, конечно, остаток года, тщательно расчесав свою шёрстку шершавым языком, особенно то место, где у невесты помещается фата, снова покидала нас на время.

И возвращалась с горящими глазами, как девушки, которые прибегают после встречи с молодыми людьми к маме и, тараторя, начинают рассказывать, каким образом произошла встреча, как он посмотрел и что мяукнул.

И что он, самый замечательный, и на этот раз уж точно породистый.

Хотя тот, в прошлом году, хоть и не мог похвастать происхождением, но харизматичен был выше крыши.

Именно там он и встретился.

И был, конечно же, уважаем даже в мышанстве, признававшем его высокую разрядную квалификацию.

Север тогда звал людей труда с прирождённым инстинк-

том мастерства.

С Марфой у меня связан и один из самых трагичных эпизодов жизни.

Я хорошо помню тот масштаб горя, который обрушился на меня ещё в мелкооптовом возрасте, думаю, что в трёхлетнем.

В один из погожих дней бабуля устроила стирку белья во дворе. И не мудрено, что наша Марфа не смогла уследить за всем своим выводком.

Один из котят заполз в кучку грязного белья, и этот лабиринт оказался для него первым и последним.

Я не помнил себя от горя. В памяти остался фрагмент изображения солнечного двора из-под деревянного крыльца, куда я забился и громко плакал. Простыни полотнищами траурных знамен стелились до земли.

Я моревал слёзное море, спрятавшись в ущелье крыльца на берегу горя.

Это был первый опыт переживания ухода живого существа из жизни, которую мы с ним получили в пользование совсем недавно, а оно не сумело ею воспользоваться.

Вот ещё пару впечатлений прямиком из детства. По посёлку тогда ходило, давя в маленьких людях спокойство, само это взрослое, большое и ужасное слово.

И было страшно вдвойне, когда оно наступало на тебя одного, в тишине ночи. И ты просыпался и не мог заснуть, по-

ка не перебирался под бок к бабушке. Правда, сам источник этого страха на деле был просто маленьким настоящим медвежонком.

В вольерчике для собак, на цепи в будке. Собаки разведены, как караул, по разные стороны.

Местные охотники после удачного вояжа в тайгу взяли с собой сироту. И временно определили ему постой с теми, кто помогал отнять у него мать.

Очень рано он лишился медвенежности или, точнее, материнской медвеженственности.

Но при нём уже была медвежесть.

И надо сказать, трусом не был этот маленький потапыч, и, насколько ему позволяла цепь, шёл в рукопашную с соперником.

Но лапки у него ещё были коротки.

Хотя некоторые из собак боязливо жались к забору, а нас отбрасывало назад, волна любопытства тут же прикатывала наши разноцветные бусины глаз к береговой линии события.

Помню, что к той изгороди сбежался весь наш кадровый состав мальчишек и девчонок и торч наших физиономий из глазниц ограждений продолжался часами, с перерывами на приём пищи.

Не помню я, что случилось дальше с жителем тайги, но и у меня закончился вскоре период "дикой" жизни.

Уплыли вёсны – в уключинах вёслы. Вылазки из отчего дома на все четыре и куда желаешь сменились на одну обя-

зательную – в школу.

По тротуарам, которые представляли из себя два рядком положенных бревна и сшитых поперёк досками, нужно было дойти до неё очень аккуратно, потому что любое отклонение от маршрута грозило грязью. В обычное время нашей бабуле стирки было, как пятилеток всему народу. А ведь их ещё пытались выполнить в три года. И ладно бы потом два отдохнули…

И помню бабушкины просьбы, обращённые к нам: вы хоть в лыву не лезьте.

А как можно было пройти мимо лужи, если чуть ли не по самой кромочке сапог вода? По мели, конечно, тоже можно и нужно было: головастиков в ней хозяйничала тьма… исчерня чёрных.

К школе я, в отличие от младшего брата, относился серьёзно.

Тот, год спустя после первой же пробы первого класса, демонстративно забросил дома портфель в угол. И сразу всех оповестил, что это скучное занятие и ему там не интересно.

А мне приходилось в этом плане посложнее: я не мог тогда позволить себе несерьёзного отношения к делу в силу врождённого чувства ответственности.

К тому же мама работала в этой школе завучем. И учительница начальных классов, видимо, хорошо понимала линию партии и правительства, потихоньку двигая меня в первые ряды. И вот на собрании октябрятской дружины я дол-

жен перед всем строем доложить о построении и готовности.

Это вроде я избран командиром дружины? Пожалуй, что так.

Текст выучен, отрепетирован, и остаётся только произнести его в нужном месте в нужное время – утром, в актовом зале перед строем из трёх классов.

Первые два отряда готовность и решимость выказали, а тот, которым должен был руководить я, замер в нерешительности.

Командира не оказалось в строю…

Я настолько переволновался, что проспал этот торжественный момент.

И естественным порядком моя карьера по служебной лестнице, как позже осознал, именно с тех пор пошла параллельно полу без каких-либо попыток взлететь. И за всю последующую биографию я ни во что выдающееся не вдался и ничего особо интересного в неё так и не вкралось.

И с тех пор, в силу природной застенчивости, я занял прочно место на галёрке и если и звучал громко, то только в хоре. Правда, некоторые успехи по отдельным предметам всё же делал. Если их поставить "свиньей", то это получится: русский, немецкий и посерёдке и чуть впереди – литература. Ведь даже просто говорить в жизни приходилось больше, чем писать, и уж тем более пользоваться иностранным языком.

Вот, пожалуй, и все мои предпочтения в учебе. Языковые

способности, видимо, достались мне по наследству от матери. Она была преподавателем русского языка и литературы. И я подсознательно все свои портфельные инвестиции вкладывал в продолжение генетических наклонностей.

В детстве магазинные весы, которые допускали к сладкому удовольствию, сначала просили согласия у утиных носиков приборов найти между собой полное согласие в равновесии и взаимопонимании.

И нужно было только сделать правильный выбор между чугунными гирьками на одной стороне и бумажным кульком на другой, и тогда жизнь текла конфетно.

И самому каракумовскому верблюду из-под фантика, как бы он ни грёб, преодолевая мощное течение слюны, спастись не удавалось.

Советский народ в моём лице получал тогда всё из клювов родителей.

И можно было даже приказать прибыть мишкам с севера, по пути прихватив сладкие лапки гусей.

При том стабильность была гарантирована.

И, видимо, всё-таки её частица прижилась с тех пор в организме. И сегодня, когда чугунина дел наклоняет чашечку весов ниже критического уровня, я волевым движением, с помощью той малости, привожу механизм в нужное для меня состояние… и жизнь начинает вновь шуршать фантиками, правда, уже конфеток "дюшес".

И порою снова хочется со своим более чем пятидесяти-

летним опытом на некоторые вещи посмотреть глазами пятилетнего.

Народ, по моим представлениям, был тогда счастливым. Но пили поголовно, до различных степеней алкоголизации, и даже неприлично было быть трезвенником.

Значит, вопреки расхожему штампу "алкоголик несчастный" тогда можно было смело заявить "алкоголик счастливый".

Ведь хоть с большим скрипом, с чудными вывертами, но строился коммунизм.

Самим-то, конечно, уже не доставалось, а нам-то – детям… За светлое будущее с верой…

И хотелось верить, что именно для пользы дела происходили "чудеса".

Дядя Вася, старший брат отца, однажды рассказал, что когда Тавдинский фанерокомбинат не успевал выполнять план по выпуску древесно-стружечных плит, потому что не оказалось по какой-то причине этих отходов, то поступила команда пустить в расход деловую, сортную древесину.

А младший брат отца, у которого мы как-то гостили под Красноярском, поведал о том, как ему довелось стать свидетелем истории тоже из мира чудес.

Их бригада лесорубов, надрываясь, вытянула план по валке леса, а потом выяснилось, что вывезти его с деляны невозможно. Какие-то проблемы с транспортом.

Не помню уже деталей того рассказа, но итог, конечно же,

отпечатался в голове: тот лес приказали сжечь.

Взвейтесь кострами синие ночи!

Мы пионеры – со всей дури и что есть мочи…

И отец тоже в долгу не остался и поведал о своем чуде, которое при помощи его же рук совершилось.

Когда он работал на бензовозе, пришлось выгружать на железнодорожной станции цистерну с горючим. Почти всё вывезли, но по какой уж счастливой случайности осталось у него в ёмкости куба два, неизвестно.

А на бумаге этих остатков не оказалось, и не имели права начальники оприходовать бензин. И они дали команду поехать подальше в лес и слить его там тихонечко.

А с высоких трибун уже открыторотно, громко отчитывались, что всё идёт как надо.

И награждали передовиков под бравурную тушь.

И шла на сцену поселкового клуба под эту музыку моя тётушка Вера, за почётной грамотой из рук начальства.

И все мужики знали, что она ещё в те далёкие шестидесятые годы получает награду ещё и за то, что вовремя смекнула, когда организовался дефицит с водкой, прыгнуть в вертолёт и из соседнего населённого пункта доставить рюкзак драгоценного напитка. Ну конечно, с выгодой и для себя. И, видимо, делала это не раз.

В свалке звуков щипковые отщипали ударных, те поколотили духовых, а может, всё было ещё более запутанно. Но ко-

гда зычно-музычно отгремела медесодержащая тушь, один из музыкантов в след тёте из трубы запустил такого выразительного "петуха", что весь зал ещё долго перекатывался по полу смеха, когда уже шли получать свои награды люди заслуженные.

Относительно недавно я уяснил из учения Маркса, что настоящей ценностью для человека является именно свободное время. А тогда оно очень щедро делилось с нами своей самой аппетитной частью.

Когда я ещё не выпростался из детского возраста, нам и пыль была как ваниль.

Небо – днём норкой голубою, с белым облачным отливом.

Солнышко – глазом…

С оком луны – ночью, с шёрсткой черною, с искрой звездною.

Тогда с иммунитетом у погоды всё было в порядке, как и у нас со здоровьем.

Мы были ещё и под защитой папанитета и маманитета.

Всхожесть и урожайность снегов была на уровне не одного метра. И по вкусу он только чуть уступал пломбиру. Это сейчас мы можем мокнуть в середине зимы.

А тогда, если в небе хозяйничает атаманша туча и дождь краснокожих по её команде грозит нападением осадков, то значит – это лето.

Грома треск лопнет страхом внутри нас, и чуть не слезы от испуга.

Но не придётся долго сшивать спокойствию ткань восприятия.

Если над нашими головами циклопы навели уныние, то обязательно с другой части света двинется антициклоп, чтобы исправить деяния оболтусов.

Солнечному свету: да! да! да!..

И даже в ночь, как в разведку: а какой он, следующий день?

Конечно, пришлось хлебнуть лиха.

Рыбий жир в то время был жидким и очень неприятным на вкус, хоть и натуральным.

Но я упорно повторял строчку стиха, который декламировал при стечении народа, стоя на табуретке:

…Хоть я мальчишечка, но я солдат.

И морозы те меня уже не помнят, а я-то их, как сейчас. Ведь они были не просто за сорок – их было все сорок.

Всем своим холодным телом наваливались они на входную дверь, и даже взрослым было в тягость открывать её, потому что сразу за ней стояла сама Арктика.

А нам-то, чтобы увидеть чёрную пипу носа белого медведя, надо было просто резче заголять проёмом дверь.

Но, видимо, долго собирались, копошились, укутывая носы в шарфы, и упускали самое интересное.

Но на том чудеса не заканчивались. Окрик злой шилом клюва колол слух и природовещательная птичья корпорация как давай выговаривать: вы почему так долго ковыряетесь…

и синички, не дожидаясь приглашения, вламывались в наше жильё, сетуя на тяжёлые условия содержания на воле.

Лагерная жизнь не всем по нутру, но мы приговорены к сроку.

И сделано это было по нашему же желанию. Мы выезжаем на военные сборы в летний лагерь, в расположение кадрированной части трубопроводных войск в районе озера Балхаш. Прослушанный курс на военной кафедре необходимо катком армейского порядка закатать нам в сознание на практике, причём на долгие годы.

Возможно, когда-нибудь понадобится.

Шар в шар.

Лысое блистающее солнце прямо в глазах, а паричок облачка где-то в стороне.

В гортанях окон военного городка запали языки форточек.

Днем нет выхода из несметного количества жара казахстанской степи, а ночью весь он сшагренивается до шкуры солдатского одеяла, и ох как его там остаётся мало.

Мерцают звёзды в тёмной холодной воде неба, как рыбы, тихонечко шевеля жабрами, вычисляют свое место в пространстве, помогая себе плавничками.

И может быть, пока на них не смотрят, успевают быстренько, перешмыгливо меняться местами в звёздной пыли космического неубранства, сталкивая и не замечая маленькие кометы, которые каплями детских обидчивых слёз льют-

ся из-под век космической черноты.

Первые три дня условным противником номер один для нас была жажда.

Вода-то льётся из асбестовой, слегка наклоненной трубы, как из худущей коровы во время дойки, через отверстия, сделанные по всей её длине, прямо из скважины.

Но она настолько холодная, что символ еды – зубы, не рады тому, что находятся на передовой.

Но мы всё равно постоянно, как клещи, присасываемся к отверстиям, хотя офицеры просят не пить её, а лучше дождаться горячего чая, объясняя, что на нагрев холодной воды и уходит из организма большой запас сил. Куда там…

Обгорели сразу же, как на море, носы в первый день.

Мешки солдатских гимнастёрок в процессе потонаделения потихоньку начали прилегать к фигурам.

Кирза сапог быстро братается с кожей пяточной. Хорошо, что папаня учил в детстве наматывать портянки, а то можно сразу набить кровавые мозоли, как несколько наших ребят.

Они-то ходят по расположению лагеря хоть и в кроссовках и кедах, но как на шалнирах "роберты", т.е роботы.

И буквально в первые дни мы извещены, что скоро приём присяги. Правда, даже не наизусть надо учить, как при приёме в пионеры, а прочесть по тексту на бумаге. Уже четвертая по счету клятва верно служить, выполнять заветы Ильичей, партии и народа.

Ну и почитаем…

Тем более, за это нам к торжественному обеду будут приторочены лакомства в виде кусочка масла и варёное яичко.

Ну вот, мы и настоящие офицеры, и сразу в запасе.

Но и до него нам пока реально долго. Время в карауле тянется, как импортная жевательная резинка.

В тонюсенькую нить, то есть, почти исчезая из реальности и не обнаруживая своего присутствия, а потом вроде собираясь в один маленький, мягкий податливый комочек на зубах, начинает принимать причудливые формы, но никуда не исчезает, причем уже давно потеряв вкус.

День об ночь. А офицеры нас так нашомполировали инструкциями, что некоторые из них и сами потом были не рады. Один из них, видимо, из сострадания к живой природе, решил полить цветы, которые находились на этаже в штабе, где был пост со знаменем части. Работу он свою продолжал, обходя горшок за горшочком, пока не приблизился к нашему курсанту, стоявшему на посту, и сразу сам захотел на горшок, обмерев от ужаса, потому что услышал звук передернутого затвора автомата и предупреждение: стой, стрелять буду!

И будем, пусть только кто попробует прокрасться незаметно в арочный склад и выкрасть задвижки трубопроводов.

Как мой знакомый талыш слегка подправил нашу присказку "не украсть, не покараулить" на "не покрасить, не покараулить".

И покрасим ещё немало.

А пока развод караула. И очередной инструктаж. А мы в это время будем принимать ванны. Солнечные.

Хотя с ними уже, наверное, хватит, потому что и так время для отдыха перед караулом не стали использовать для сна, а попёрли загорать на лавочки за территорией лагеря.

Монотонный перечитатив псаломным голосом прервался резко и веско стуком об асфальт.

Из второй шеренги, из-за наших спин, вывалился и по-пластунски направился в сторону начальника наш боец.

Ты куда, Мартын? Вспомнил сборы в Тюмени, когда мы на занятиях по тактике отрабатывали команду майора Касаткина "ЛОЖИСЬ" в полной выкладке, а дальше по-пластунски.

У многих это получалось по-ребячьи. И Игорь Сергеевич смазал увиденное солдатской сальностью:

Вы как на бабу ложитесь. Плохо.

А Мартын снизу, из амбразуры между ушанкой и воротником, пальнул комментарием-вопросом: на бабе, что ли? И в смех, как в пляс: прямо танец живота, и смеялись, и извивались, и насытились, и другим осталось, потому что скоро побегут пересказывать. И доставят до других ушей точную версию, как копию с картины мастера-художника. А он и был у нас один из самых юморных.

Нет, извини, брат, это первый удар нанесла нам жара, естественно, солнечный.

Первые потери. Просто потеря сознания.

А вот теперь полная концентрация. Политрук в актовом

зале прихватил всё наше внимание речью.

Своему голосу он хозяин. Умело расставляет акценты, где-то понижая его до трагических нот, а по большей части уводит в зоны патетики.

Где-то, доводя до словесной паркетики, видимо, речь отшлифована и отлакирована была не в один год.

Он накачивал зал в течение часа. Стройный, видно, что сухожилия прикреплены к костям надёжно, как в авионике. Ладно подогнаны и внутренние органы друг к другу, и эту начинку, как правильно сложенный парашют, пакует почти новенький, точно в размер китель в обруче офицерского ремня.

Хромовые сапожки резво снуют по сцене, изображая танец умирающего лебедя, таким образом передавая картину последних метров кросса в исполнении наших курсантов в самом хвосте колонны, и весь зал высыпается в смех.

А вот он громовым голосом обличает империалистов.

Яркость ярости вспыхивает там, где морским узлом слова затягиваются на шеях наших врагов.

…Тэтчер – Гитлер в юбке…

…Рейган – американский третьесортный актёришка…

…И я после такой речи готов был схватить автомат и гнать воображаемый взвод солдат навстречу врагу. Но где он в уже темнеющей казахстанской степи?

Стэп бай стэп. А каждый шаг тяжестью кольчужного веса отдаётся в башке сотрясением мозга, и кровь заменена по-

том.

Сердце попёрло железнодорожными цистернами через узловую станцию всех чувств на передовую, в режиме военной мобилизации, с возрастающим напором: тыдын-тыдын… тыдын-тыдын…

Полустанки клапанов мелких сосудов превращены в непрестанки с постоянно поднятым зеленым флажком.

И неважно, где он: порву я в макраме пасть врагу и насажу я его, как бабочку в гербарий, на свой штык-нож, как суворовец когда-то крушил врагов.

ЗА РОДИНУ!!!

И местные пусть прячутся по своим норам, как суслики, а то не дай бог под горячую руку…

Ну ладно, остынь чуток. Покури.

Да уже бросил я к тому времени. Ну тогда иди лучше дальше исполнять свой солдатский долг служения отечеству.

Не пришел ещё твой час на поле брани.

А пока на кухню – чистить картошку. Сегодня мы в наряде.

Надо же, и политрук почти следом за нами. Решил проверить своими зубами, насколько хорошо курсанты питаются?

Ну просто отец родной. Да за таким в огонь и воду.

А он, пройдя по территории кухни, которая находилась под открытым небом, только огороженная забором, заглянул прямо в котлопункт, под навес.

И вынес через некоторое время оттуда завёрнутый в газе-

ту свёрток и направился в офицерский городок.

Мой друг, который оказался свидетелем происшедшего, чуть позже рассказал, что видел то, что потом было завёрнуто в газету. Комиссар прихватил из солдатского котла несколько банок тушёнки. И, прикрываясь газеткой, как фиговым листом, презумпился до последнего.

Э-Э-Э!!! Ваше благородие!

Мы не поняли… вы случайно не попутали свою шерсть с государственной?

Не вместе с нами кашу из одного котла, а мясо, причём наше и отдельно.

Не солдатский формат, как бы сказали сейчас.

Вы же нам только что о высоком, о морали, самопожертвовании, долге и чести, о беззаветном служении Родине. Ах ты …арас…Тараса Бульбы нет на тебя. Он бы тебя, чем породил своего сына, тем и…

Значит, водочку, наверно, решил придавить сверху мяском где-нибудь со своими друзьями?

Ведь дома, тушёнкой закусывать не будешь. Ну что? Приятного аппетита, значит.

А пили офицеры этой кадрированной части трубопроводных войск до зеленых… человечков, иногда даже преступая закон.

Однажды, вернувшись из районного центра поздно ночью, они подъехали на "УАЗе" к воротам контрольно-пропускного пункта. И на сигнал открыть ворота наши ребята,

которые стояли там в наряде, немного замешкались. А когда курсант уже двигался к ним, прозвучал пистолетный выстрел… Пуля попала в ворота.

Наутро весь лагерь пришёл в движение… Наши офицеры сновали в расположение штаба, местные тоже куда-то постоянно перемещались. По лагерю ходили разные версии случившегося. В конце концов через некоторое время всё успокоилось. Чуть позже, когда мы уже грузились в обратный путь, наши парни помогали затаскивать в вагон офицерам тяжёлые ящики из-под какого-то оборудования или боеприпасов.

Возможно, это и были те самые плоды дипломатических переговоров.

В расположение нашего лагеря, правда, уже чуть позже, прибыла ещё одна комиссия. Но это уже был десант из округа по медицинской части, потому что в доблестной Красной Армии, в наших рядах, завелись неблагонадёжные. Воинской клятве они остались верны, но присягнули тайно и горшкам. И посвящали им всё больше времени. Дизентерия уже размечталась масштабом, мечштабелируя каждый день всё больше бойцов к себе в кровать.

И высокое медицинское начальство решило оценить эту опасность на глазок. Вся наша, еще жилая, сила была выстроена в степи в несколько шеренг, и каждому было приказано вырыть себе яму. Ну, конечно, не ростовой окоп для погребения, а просто углубление каблуком сапога.

Приказали снять портки и, сидя над лункой, тужиться.

А потом медицинское светило, прося наклонить поклон до земли, как солнышко ясное, заглянуло каждому в воронку.

Наш остряк Ося, когда пристальный взор опытного начальника был устремлён в его потроха, спросил у него, как у опытной гадалки: а не видна ли уже там Тюмень?

И он оказался провидцем.

Чуть позже проверки, но раньше отведённого срока, прозвучала команда "в ружье".

Вернее, ружье это у нас отняли в связи с временной недееспособностью и, спешно поздравив с обретением погонов, растолкали по вагонам и ТЮ-ТЮ …ТУ-ТУУУУУ.

И только что и хватило сил перепотеть на погрузке и попрощаться с армией насовсем…

И наш бесславный путь отступления был с конкретной дискретностью помечен вдоль всей железной дороги пунктирами пункций мочевых пузырей и вонючей дриснёй.

А тут, несколько лет назад, посмотрел документальный фильм о Суворове, где рассказано было простенько о том, почему имел успех наш полководец на полях сражений.

Все же помнят его крылатое выражение: пуля – дура, штык – молодец!

Так вот, эта присказка, оказывается, на деле означала следующее: в связи с тем, что точность боя стрелкового оружия была низкой, а стоимость зарядов была высокой, наши сол-

даты по приказу фельдмаршала порох экономили и изо всех сил старались сократить дистанцию для ближнего боя, где и полагались на остроту холодного оружия.

А неприятель-то, сберегая живую силу, открывал огонь издалека. Они ценили жизнь каждого солдата.

Им не нужны были великие жертвы для достижения побед.

Вот в этом и есть величие России: во имя порою не совсем внятной идеи наворотить великую гору трупов собственного народа.

И чем беспощаднее ты губишь пушечное мясо, тем больше твоя слава как "ПАЛКОВОДЦА".

Извините, дорогие мои, но, похоже, и в серебряном веке Екатерины "серебра" было не больше, чем правды в Советском Союзе.

Ведь здесь, на мой взгляд, и есть один из главных вопросов морали.

И даже в условиях войны нельзя её сваливать вместе с телами солдат в братские могилы.

Ради своей славы и почестей вы готовы губить миллионы жизней.

Так во имя чего живёт страна? Во имя человека?

Я с уважением отношусь к Рокоссовскому. О нём, в воспоминаниях всех, кто воевал вместе с ним, рефреном повторяется одна и та же фраза: он дорожил солдатской жизнью.

В отличие от Жукова, который открыто заявлял, что при

штурме Берлина советские войска под его командованием шли в атаку по минным полям противника, как будто их не было совсем.

И понятно, кто из них оказался славнее, разбрасываясь солдатскими жизнями, как махоркой.

В приёмной бинтом обиды перевито горло.

Сила воли плюс характер, но надо ещё поскрести по сусекам…

Ожидание, длительное своим повисанием над пространством и временем.

Наслоение терпения на ожидание, натерпленное на ещё не отвердевшее основание.

Следующий слой нажидания.

Наслоение нажидания на терпение. Наслоено до мозоли, натерплено и уже огрублено.

Терпление – на уже огрубленное нажидание и потихоньку про себя уже обруганное.

Раздражением пухну и, как пухом из подушки, давлюсь им, а в один непрекрасный момент крик рвёт рот, и его глотают все.

Длинна чалма дней запоя вокруг мозга. И ты, как палач, готов броситься сам на себя с топором. Ведь ты столько раз обещал себе: никогда больше.

Но клятвы кляп молчит в горле.

Пил сначала в злость: пусть ересь благородная вскипает, как волна. Потом всласть, и сразу с запасом на похмелье.

Потом из жалости к себе. Наощущенился до положения вниз.

Долго зрело внутриполитическое решение, и вот уже "ТАСС" уполномочен заявить.

Таз уполномочен заявить, что уже полон и через край, и ты уже нажрался, как свинья.

Патернализм еды надо мной не властен – сыт я собственной желчью и даже излишки имею.

Вот она, опять горлом выход ищет…

Неповторимый, устойчивый вкус, пожалуй, ядрёнее, чем у стиморола. Корчь… Горчь.

Ну да, кое-что наше не идёт ни в какое сравнение с импортным.

С большой, конечно, долей горечи, но кто же ропщет. Ведь едят же и буржуи горький шоколад.

Хотя только нам, пожалуй, больше по вкусу горячий снег.

И я не понаслышке знаю, что такое жидкий металл. Вот же, ещё тому назад был железным.

Ну и сейчас, конечно, остаюсь, но в состоянии ртутном. Как иногда былинный богатырь Терминатор.

А вчера-то – восьмиручный, двухголовый, трехножкий…

Дуревестник растворится в буре.

Кто не спрятался – ты не виноват.

Пришлось тебя стреножить, одну голову оторвать не удалось, как лишние руки, и стали её заталкивать вовнутрь.

И ногами пришлось пару раз тяпнуть. Клюв орлиный при-

шлось оторвать, нос поэтому, видимо, остался слегка ороговевшим.

Почему синяк под глазом и шея набекрень? – это ты у кореша своего спроси. Это он больше всех усердствовал.

Во рту нсрн, в голове звн, в коленях држь. Волосы-то кто, как Гулливеру, привязал так заботливо? Голова с подушки не поднимается.

Болячки мышами скребутся по сусекам, периодически выводя из строя что-нибудь в мышечном комплекте.

Над руинами мозговой деятельности стелется дымок.

То, что случилось так феерично, не закончилось бы венеерично.

А точно не подвёл искусственный спутник любви?

Вот и развивай теперь фантазию на тему: девелопмент, девелопай.

Говорили ведь ребята, что она…

Это не взгляд – это взбляд…

Но и мыслей не было не ответить, и так всё ясно.

Вышло вообще всё сабо самой.

Хотел помочь надеть плащ, а она рукой в рукав промахнулась и… в ширинку попала. И еще нечаянно нога у неё подвернулась, пришлось на колени припасть.

И выгребла, как сапёрной лопатой в поле, картофельные клубни с пожухлой ботвой…

И превратила её в первый сорт… ну просто пальчики оближешь.

И развернули "папочку" и ознакомились со всем содержимым.

А потом крыкхнула, как мембрана проколотого динамика магнитофона на максимальной громкости, и, завалившись на спину, расставив ноги, будто придавленная тяжестью, захрипела: ХРА – ХРА – ХРА…

Может, храни нас всех… госп…

Да вроде тогда ещё комсомол господствовал, не утратив своих позиций. И надо же, и здесь в башку мысли не самые умные лезут.

Зев промежности – шёлкову бородушку с масляной бороздушкой, если гипсовым слепком запечатлеть в таком виде, – похож на восклицательный знак будет.

Хотя гипс здесь, пожалуй, не уместен будет. Ведь этот сакральный символ нужно, наверное, в приступе пещерного вдохновения выполнить на огромной гранитной горе, как неорождённый эталон для наскальной живописи… женописи… писи…

А если свою промежность, прямо сейчас, то опять ведь только вопрос и вырисовывается…

А вот здесь никаких сомнений. Можете проверить, расспросив очевидцев.

20 сентября 2000 года в шесть часов вечера и фигнадцать минут с небольшим коллективом секунд, численностью не более шестидесяти, в проеме моей двери, даже не межкомнатной, а выходящей сразу на улицу, показалось лицо с чип-

сой.

Да, именно с маленькой, предназначенной к посеву картофелинкой. Глаза тоже выглядывали из тары, где обычно хранят посевной материал, – из мешков.

И было понятно, что там как минимум по паре глаз имеется в запасе.

Голова, скудно политая жидкостью волос, явно не видела сегодня мягкой подушки и даже расчёски.

Сидение под луной слегка утянулось по временной шкале ближе к утру.

Молнией летал поручик "золотая пятка" за очередной бутылонькой.

Аптека, улица, фунфырь.

И, как это часто бывало, наш приятель очнулся в бытовке практически готовым к работе.

Правда, сразу броситься в пучину дел не удалось. Помешало легконькоё недомогание, а сначала и вовсе непонимание того, на каком полустанке сошёл вчера…

Потому и заглянул он ко мне, в избушку на рыбьих ножках, за потребительским кредитом для погашения "задолженности" перед вчерашним.

Какие проблемы? Никаких: получите и расписываться не надо.

И ещё пару слов о текущей жизни и, разумеется, о рыбалке. Он, конечно, не из самых заядлых рыбаков, которые даже в стакане кипятка, держа за хвост и подёргивая притоплен-

ного чайного "мышонка", ждут поклёвки.

Но не упускает случая порыбачить и конкретным своим мастерством облещения не уронит честь всего рыбачьего класса.

А сегодня и сон оказался в тему.

Корявый на этот раз оказался в шкуре земляного червя, причём сразу насаженного на огромный крючок. И ладно бы просто под водой, а то ведь рядом с окунем, который ртом с экскаваторный ковш пытался заглотить наживку.

Вот парень и намучился на ночной "рыбалке", потому что проснуться было в состоянии подпития ещё труднее.

Он один раз меня очень выручил с червями зимой. Нет вопросов, – сказал он мне, – пошли.

В его ведении как сантехника находился дом, отколовшийся где-то в ледяной Арктике и прибитый в тупик улицы.

И организовал этот дом целый переулок и назвался Кольским.

Домик основательно пророс своим фундаментом в древность, и в подвале, уже не раз затопленном далеко не арктическими чистотами, образовался весьма приличный плодородный слой.

И где как не в этой богатой витаминами землице селиться замечательным соседям. И они-то сильно и не противились перспективе освежиться.

В тот раз мы смело кидались в воду снастями и ранили крючками глубину. Мы просто рвали и метали: окуни рвали,

мы их метали на берег.

Климакс теплого климата. Не успел упиться летом – прохмельнуло.

И снова атмосферные явления изъязвлениями.

Правда, с осенними скидками на температуру. После перенесённой тяжёлой, но непродолжительной жары рекомендовано принять десять миллионов капель дождя.

Давай уже, погода, кроме формы принимай цифровое содержание.

Ветровым множествам нужно дометить до точности, под паровозный свист, шелестодорожный перегон листьев, которые росли и бухли, чтобы ухнуть, залысив деревья, по большей части тут же.

Тороидам туч наполниться каплеэлементарными частицами воды в соответствии с оговоренным выше объёмом.

Лужам отвести территории в соответствии с техрегламентом ухабистости.

Кто там у вас все это свёдет в единую ведомость?

Хорошо, давайте я подпишусь как потребитель – мне же расхлебывать вашу кашу. Похоже, все равно получится на "авось".

Хотя это и есть на современном языке облачное вычисление, только по– русски.

Кузнечики, тараща глаза, вывертывая тройной аксель, согнувшись, выхватывают у меня с пути какие-то свои постеры, кубки, медали, которые у них висят на "стенах" и пре-

вращаются в дайверов, ныряя в землю.

И не путайтесь у меня под ногами – мне спешно.

И осторожнее с главным судьей ваших упражнений – с лягушачьим оскалом улыбки охлажденного тела болотной принцессы.

А то, при неудачном приземлении, – дисКВА-КВАлификация в тёмную стынь жаблудка.

Не до ваших мне соревнований и не королевская я особа, чтобы быть куда-либо приглашённым.

Я вообще-то хочу быть владыкой, но речным.

Мой девиз: наживка, поклёвка, подсечка – нажива.

Ну вот и место лова. Первая роль – официанта. Быстренько баночки, скляночки, и кушать подано, и ожидание реакции на рыболовное усилие с червячной передачей.

Ну что, пока рекламная пауза… А мы наедине с собой и побеседуем.

Хотя почему наедине, вон же червячки в банке шуршат землицей.

Сколько кубометров родины пропускает сквозь сердце земляной червь? И каждую ее частицу встречает обручальность колец его тела. Он любит её до зубовного скрежета.

Это чинуши на публике клянутся землю есть, а предпочитают в ресторанах только плоды сладкие. Он землю ещё и плодородием снабжает.

Подставляет себя для внутривенной инъекции крючка и смело бросается на поиски рыбьевого тела, когда нам захо-

чется ушицы хлебнуть, он хлебает воду.

Ну чем не патриот?

И сколько их остаётся в жадной до крючков и блёсен коряжистой пасти реки.

Это же не чиновничий патриотизм, который можно замутить по команде.

Вон, на окраине города "Аванпостом" выстроили молодежь плечо к плечу, под ура-патриотические вскрики о том, что Родину любимую должны беречь и защищать от врагов. Охранять незыблемо нашу территорию.

А то придут иноземные захватчики и превратят нашу землю в помойку, вычерпав наши богатейшие земные сокровища, – нефть, газ, руду, вырубят леса…

А тут же, не далее полукилометра, организовали полигон для вывоза грязного снега с дорог и дворов города, пустив под бульдозер несколько гектаров мелколесья.

Или вот оно, воспитание на образцах, не дожидаясь прихода врага, наглядно показываем, как будет.

Команда прозвучала из того же окна, откуда была спущена разнарядка на патриотизм.

А в ответ: молчание ягнят, молчание волчат, волчание волчат, журчание ягнят.

Это потом наш букварь будет бунтарь.

Я зайцем бы выгрыз единоморквизм.

Не дает он нам ничего, кроме бедакаротина и боливитаминов.

Клопом бы выпил волюнтаризм…

Мы наш, мы новый мир построим до основанья…

Весь мир усилий мы разрушим.

Потом мы в правописании будем признавать только обвинительный падеж.

И будет, возможно, большой падёж.

У нас и в сытое-то, гламурное время шёл брат на брата, сестра на сестру.

Хотя там уже трудно было понять, кто кого килиманджарит в лимпопо.

И потом где-нибудь в сибирской, девственной, волшебно красивой тайге симпатюля из первых рядов гламурщиков, сидя за колючей проволокой, будет выть по ночам, вспоминая, как он был расточителен за богато накрытым столом.

Как швырялся надкусанным рябчиком в блюдо с набившими оскомину ананасами. Не переживай, брат, будет всё чин-чинарём – и высокий чин снова будет свинарём.

А пока будет день – будет… тыща.

Тысяча причин, чтобы оправдаться потом, что, мол, делал, как все, но фигу в кармане держал всегда.

Ага, вот и червячок уже подаёт сигнал, мол, тяни. И леска превращается в общий с рыбой нерв.

Кто кого в борьбе за жизнь земляного патриота. Ну, брат, это несерьёзно, показывать, что вроде рыба солидная на крючке, а на деле-то на тебя червя жалко.

Всё, слезай с крючка, я тебя в воздухе над водой подержу.

Эй, наживку выплюнь, наглец, держи вора: это же мой червяк, лично мною вскормленный, т.е. вскопанный.

Да и не охота после каждой поклёвки менять его. Ну ладно, хоть и нет запаса сегодня, тебе-то тоже телостроением заниматься надо. Из таких, как ты, и вырастают потом те, кто примкнут к рыбоосвободительному движению по праву, так как в своё время побывали в "застенках".

Терпение, мой друг, и щетинка превратится в золото?

Червячок обрастёт рыбьим мясом и чешуей?

Нет, надо закинуть, как будто просто выбросил наживку.

Да нет же. Совсем коротенькая пауза, как раздумье

Путина – брать или не брать Крым. Удочка, стоявшая на рогатке, начала усиленно кланяться, а потом и вовсе поползла в воду.

Оба-на, а вот это настоящее движение сопротивления, флаг она, что ли ещё за собой тянет. И так лесочка не ахти какая на поводке.

В одну секунду пришлось три удара в сердце, причем и хук, и прямые. Ногой там никто не успел садануть? Почти нокдаун.

И пот за лицо… мокдаун.

Грудь: вира – майна …

И кровь крушит стены кровеносных сосудов. Предсердие с большим усердием…

И неожиданная лёгкость лески по ветру, и опрокидывающий самого себя мах назад. Ну вот и всё…

Спасение: я остался на берегу цел и невредим.

Через несколько лет с нашим общим знакомым нашего приятеля в разговоре ткнул, как в планшетный экран, интересом: как идет бизнес Корявого?

Ведь с тех пор до меня доходили слухи, что он с алкогорем завязал и, обложившись кредитами, стал предпринимателем. Он же не молодежь зеленежь, кредитов не нюхавшая, – именно своё дело завёл.

Оказалось, что никак.

Это называется: как верёвочке ни виться. А вот завилась и затянулась так, что пришлось списывать кредитопродавцам долг в связи с отсутствием заёмщика в живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.